

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

ТУЛЛИО АВОЛЕДО
КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ДЕТЕЙ

FUTURE CORP.

Метро

Туллио Авоledo
Крестовый поход детей

«АСТ»

2014

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Ита)-44

Авоledo Т.

Крестовый поход детей / Т. Авоledo — «АСТ»,
2014 — (Метро)

ISBN 978-5-17-087174-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! История движется по спирали – и Милану грозит новый атомный апокалипсис, а дети опять собираются в безнадежный крестовый поход. Есть ли у них шанс или, как прежде, религиозные фанатики ведут их на бессмысленную бойню? Кто истинные монстры – мутанты, захватившие разрушенный Милан, или люди, укрывшиеся под ним? Есть ли место богу там, где вера сгорела в ядерном пламени, и на чьей он стороне?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(Ита)-44

ISBN 978-5-17-087174-2

© Авоledo Т., 2014

© АСТ, 2014

Содержание

Тридцать книг назад	7
Пролог	8
Глава 1. Он выживет?	12
Глава 2. Последнее приношение	17
Глава 3. А одно – всеильное	23
Глава 4. Библиотека	30
Глава 5. Звездные войны для чайников	37
Глава 6. Урок на открытом воздухе	40
Глава 7. Разламывая пальцами ничто	46
Глава 8. Лестница в небо	54
Глава 9. Орки Мордора	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Туллио Авоledo

Крестовый поход детей

*Auf die Erde voller kaltem Wind
Kamt ihr alle als ein nacktes Kind¹.*

Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора².

© Д. А. Глуховский, 2014

© Tullio Avoledo, 2014

© Перевод. И. Левина, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

¹ На холодной ветреной планетеПоявляется вы как нагие дети.Бертольд Брехт, «О приветливости мира».

² Ин. 10:16.

Тридцать книг назад

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

На самом деле, тридцать одну, конечно. Но я из тех негодяев, что «ради красного словца не пожалеет и отца». Так вот, тридцать книг назад мы все – сначала те, кто делает «Вселенную», а потом и читатели – познакомились с творчеством прекрасного итальянского писателя Туллио Аволедо. Он не был первым иностранным автором проекта (и, к счастью, не стал последним), но все же роман «Корни небес» в серии всегда стоял немного наособицу. Для меня, по крайней мере. И дело даже не в шокирующей откровенности и бьющей наотмашь жестокости текста итальянского автора, не в поднимаемых им проблемах, не в необычном герое. Точнее, и во всем этом тоже, но не только. Просто эта книга – другая. Как написал тогда Дмитрий Глуховский: «Да, случись ядерная война, все будет именно так. Хотя фантастического в этой книге немало, в нее веришь сразу и безоговорочно». Продолжая его аналогии с кинематографом, я бы сравнил тексты Аволедо – и первый, и второй – с псевдодокументальной «Ведьмой из Блэр» и одновременно – с шедевральной «Дорогой», поставленной по блистательному одноименному роману Кормака Маккарти. Так же, как и Маккарти, Аволедо пишет страшные, горькие, не оставляющие надежды тексты. Читая их, трудно вообразить, что после ядерного ада возможно будущее. Что человечество возродится, а не вымрет, перед тем окончательно деградировав и превратившись в стаи дурно пахнущих и беспредельно жестоких косматых животных, убивающих, мучающих и поедающих друг друга. Если задуматься, то и там, и тут абсолютно преобладающий цвет в палитре нового мира – серый. В одеждах, в руинах, в человеческих душах. И вместе с тем, эти тексты несут горькое очищение для читателя. Из них выныриваешь, как с глубины, жадно дышишь, а потом привычный тебе НОРМАЛЬНЫЙ мир кажется еще прекраснее. Краски, звуки, запахи, чувства – острее и ярче. Жизнь – лучше. Ты чувствуешь, насколько твои каждодневные проблемы и неприятности глупы и незначительны. А еще ты чувствуешь, что пойдешь на все, лишь бы то, что на этих страницах, там и осталось.

Наверное, в этом и заключается главная задача автора, берущегося за тему постапокалипсиса.

Ну, что еще сказать? История отца Джона Дэнниелса, последнего инквизитра мира, по-прежнему не закончена. Милан – совершенно не похожий на Рим и Венецию из «Корней небес» – лишь промежуточная точка на его долгом пути домой, к богу и к себе. Как это здорово. Как это ужасно. Пожалуйста, синьор Туллио! Может, теперь, все-таки, через двадцать книг?

Пролог

Моим братьям

Когда разведчики Города обнаружили его, он лежал, словно брошенная в снегу сломанная игрушка, и, казалось, был уже совсем при смерти.

Они ошарашенно смотрели на него. Прежде им никогда не доводилось видеть настолько старого человека.

Он казался мертвым, как обуглившиеся ветки по краям дороги.

Он потерял очень много крови. Слишком много для того, чтобы выжить. Поэтому они приволокли его в свое убежище небрежно, как вещь, не представляющую собой никакой ценности.

При виде раненого Мать милосердия покачала головой. Накладывая бинты на его раны на бедре и голени, она сказала, что ему не пережить этой ночи.

Мать долго читала заклинания в своей комнате, украшенной человеческими черепами и старыми чучелами животных, но потом все-таки решила прибегнуть к крайней мере – давно забытому ритуалу, тайна которого была ей известна.

«ДЕФИБРИЛЯТОР! РАЗРЯД!»

Ее руки с силой надавили на грудь незнакомца.

Голое тело мужчины было бледным и неподвижным, словно труп.

Исхудавшие молодые лица, скудно освещенные светом тусклой свечи, наклонились поближе к нему, чтобы получше разглядеть его черты. Внезапно они резко отпрянули, напуганные громовым возгласом Матери:

«РАЗРЯД!»

Еще один толчок, на этот раз сильнее.

Распластанное тело дернулось.

«МЫ ТЕРЯЕМ ЕГО! МНЕ НУЖНО БОЛЬШЕ ЭНЕРГИИ!» Все двенадцать санитаров взяли за руки и сформировали живую цепь. Последняя девочка, самая маленькая, по имени Альбакьяра, протянула правую руку к незнакомцу и сжала его ладонь в своей. За левую руку девочку держал ее брат Микаэле по прозвищу Мика.

«РАЗРЯД!» – опять прокричала Мать изо всех сил.

Их словно пронзила молния. Сначала Мика, а сразу после него Альбакьяра ощутили в своем теле пульсирующую энергию, как будто голубой шар прошел по их онемевшим плечам и рукам и двинулся дальше, к руке человека на убогой больничной койке.

Узловатые от артрита пальцы Матери еще раз надавили на грудь умирающего.

Мика испуганно наблюдал за происходящим.

Тело на мгновение вздрогнуло и приподнялось, как будто его и в самом деле пронзил электрический разряд.

Об электричестве им рассказал Вагант, начальник разведывательной группы. О том, что это было такое и как оно работало. Это была магия давно прошедших времен.

«Энергия, которую мы используем сейчас, – всего лишь символическая, – сказал он. – А вот та была настоящая, могла сжечь тебя, как спичку. Она была в каждом доме, внутри стен. Она была как жизненная сила, бегущая по нашим венам под кожей. Энергия была Богом того мира. Она его создала, и она же его разрушила».

Мать бросила на Мику строгий взгляд, как будто воспоминания мальчика прозвучали вслух и нарушили святость обряда.

Она потеряла ладони, чтобы трением сотворить чудо по имени *электричество*. Затем поднесла их к груди мужчины.

Все понимали, что эта попытка будет последней.

«Наверное, это был большой грешник. Его ничто не могло спасти».

Так сказала бы Мать перед тем, как вырезать перочинным ножиком двенадцать вертикальных полосок у него на лбу. Эти полоски означали бы, что он предназначен для Приношения. Этот символ она называла *бар-кодом*.

Она положила руки на грудь незнакомца, широко разведя холодные крючковатые пальцы.

В воздухе чувствовалось легкое потрескивание. Запах озона. Невероятно, но это действительно было так.

«ДАЙТЕ МНЕ БОЛЬШЕ ЭНЕРГИИ! СОСРЕДОТОЧЬТЕСЬ! РАЗ, ДВА ТРИ – РАЗ-РЯД!»

На этот раз толчок был гораздо мощнее, чем ожидали Мика и другие дети. Альбакьяра невольно вскрикнула.

Спина незнакомца резко изогнулась. Его губы раскрылись в нечеловеческом вопле. Из рта хлынул поток густой черноватой жидкости. Он распахнул глаза и уперся невидящим взглядом в потолок.

У него были белесые, покрытые непрозрачной пеленой глаза.

«Глаза как у вареной рыбы», – сказал в тот вечер Мика своим друзьям в игровой комнате.

Хотя никто из них, конечно, никогда в жизни не видел рыб. Это просто такое выражение у взрослых.

Незнакомец выплюнул еще немного этой черной жидкости, а потом – более светлой, вонявшей желчью.

Он обвел присутствующих своими слепыми глазами. Обвел прямо на уровне их лиц.

Он не был похож на слепого. Создавалось впечатление, что каким-то невероятным образом он все-таки способен видеть.

– Как тебя зовут? – спросила его Мать своим каркающим птичьим голосом.

– Джон Дэниэлс. Отец Джон Дэниэлс, – успел прошептать незнакомец, прежде чем снова потерять сознание.

Глава 1. Он выживет?

– Он выживет? – спросил Управляющий, искоса поглядывая на человека под грязными покрывалами.

Мать наклонила голову, накручивая на палец волосы висевшей на ее бусах куклы. Это была длиннотелая кукла-блондинка из тех, что когда-то назывались Барби. На этих же бусах висели головы еще одиннадцати таких кукол.

Мать и Управляющий были одни во внешнем госпитале. Одни с незнакомцем, присутствие которого вызывало у них тревогу.

– Да, он выживет. Не знаю, как такое возможно, но он выживет. И быть может, в этом для него нет ничего хорошего. В этом человеке есть что-то странное. Что-то *очень* странное. Он окружен тенью, и, похоже, эти тени исходят *от него*. Я впервые в жизни вижу такую ауру.

Управляющий хотел было возразить ей, что эти сказки про ауру могли сгодиться для невежественных Горожан, но не для человека с его образованием. Но он не посмел сделать этого. В Городе все без исключения испытывали страх перед Матерью милосердия. Ведь она тебя лечит, и она же отправляет тебя к Дяде, когда приходит твое время. Нынешняя Мать была из Высоких палаццо³, расположенных в десяти часах пути от Города. Так было заведено. Матери милосердия всегда были из других городов. Решения, которые они вынуждены были принимать, не должны были зависеть от кого-то знакомого, кого-то из твоего города. Поэтому Матери всегда были извне. И так было всегда, с самых дней грома.

– Ты поняла, откуда он?

Женщина покачала головой. Украшение на ее шее – ожерелье из костей, которое она называла старинным словом *стетоскоп*, – глухо застучало, словно игральные кубики, брошенные на зеленое сукно казино.

– Этот человек не из ближних городов. Несомненно, он пришел из какого-то более далекого места.

И словно в доказательство, Мать быстрыми пальцами вытащила из складок платья сложенный носовой платок. Развернула его. Внутри находился предмет, при виде которого у Управляющего перехватило дыхание.

– УБЕЙ ЕГО! – закричал он так резко, что Мать вздрогнула. – УБЕЙ ЕГО! – повторил он, на этот раз уже тонким от страха голосом. Отскочил назад, брызжа слюной, как будто его укусило Создание ночи, и тыча указательным пальцем в лежащего под покрывалами незнакомца.

Мать резко встала, невольно испугавшись реакции юноши. Ее одеяние, которое она называла *халатом*, – длинное платье из некогда белой материи – порвалось сбоку, обнаружив другие ожерелья, сделанные из мышиных черепов. Рука метнулась вперед, чтобы остановить Управляющего, попытавшегося достать из кобуры старый пистолет.

– Не делай глупостей.

Пытаясь высвободиться из хватки Матери, Управляющий пробурчал:

– *Он убийца*.

Пока Мать подыскивала подходящие для возражения слова, с тюфяка, на котором лежал раненый, раздался голос, приглушенный и сиплый:

– Я... не... убийца.

Незнакомец обратил свои белесые глаза на Управляющего. Затем перевел их на правую руку Матери. Пальцы целительницы разомкнулись, словно бы по своей собственной

³ Миланский жилой комплекс «Высокие палаццо» (Palazzi alti), торжественно открытый в 2011 году.

воле. На ее ладони находился предмет, который так сильно потряс Управляющего: тяжелый металлический шарик серого цвета диаметром около двух сантиметров, грубо обработанный в форме глаза.

Рука незнакомца приподнялась. Треснутый ноготь указательного пальца был направлен на руку Матери, на свинцовый глаз, видеть который человек никак не мог.

– Это... не мое... Я взял его... у людей... которые на меня... напали.

– Сколько их было?

На сухих губах незнакомца появилась грустная улыбка.

– Слишком много... для меня.

– Это они ослепили тебя?

– Нет. Это... были не они. Это произошло... раньше.

И вслед за этим его рука бессильно упала обратно на изношенное покрывало.

– Дайте мне пить. У меня пересохло во рту.

Мать поднесла к его губам миску. Вода была мутной и чудовищно воняла, но незнакомец выпил все до последней капли.

Управляющий отвел руку от кобуры.

– Если ты уже был слепым, откуда знаешь, что случилось на самом деле? Откуда знаешь, сколько людей на тебя напало?

Незнакомец улыбнулся. Его пустые глаза были направлены прямо на лицо Управляющего.

– Я просто знаю и все.

Молодой человек почесал бороду, разворошив при этом гнездо вшей.

– Выйди, – приказал он Матери.

– Но...

– *Никаких возражений.*

Закусив губу, женщина кивнула и вышла. Управляющий наклонился над койкой незнакомца.

– Для начала скажи мне, откуда ты пришел.

– Если я скажу тебе, ты мне не поверишь.

– Давай я сам буду решать, верить мне или нет.

– Я пришел из Венеции.

– *Венеции?* Что такое Венеция?

– Это город.

– Города с таким названием не существует. Я знаю все города, и ни один не называется так, как ты говоришь.

Мужчина под грязным покрывалом вздохнул.

– Насколько хорошо ты знаком с внешним миром?

Управляющий гордо выпятил грудь.

– Мне случалось путешествовать. Я знаю города Высоких палаццо и те, что расположены вокруг Железных врат.

– Когда ты говоришь «*города*», что ты имеешь в виду?

Управляющий пожал плечами.

– Что для тебя *город*? – продолжал настаивать незнакомец.

– Ну это же все знают.

– И все же ответь мне.

– Город... ну, город – это много людей, которые живут вместе. Как мы.

– Ты имеешь в виду «*племя*».

– Нет! Племя – это... это как пираты или как индейцы. Это только куча дикарей. А город – это когда объединяются цивилизованные люди.

– И ты глава этого... *города*? Ты мэр?

– Нет. Я только Управляющий. В период Чрезвычайного положения мэра нет. Но когда оно закончится, мы выберем мэра. С выборами, агитацией и всем прочим. Но на данный момент у нас есть только Управляющий, и это я.

Незнакомец медленно обвел своими слепыми глазами стены помещения, как будто мог видеть что-то. Понимающе кивнул.

Изумленный Управляющий пристально смотрел на него.

– Сколько вас?

– Зачем тебе это знать?

– Думаешь, я смогу как-то навредить вам, если узнаю? Это что, такая важная информация? Я один, я ранен. Я *слеп*. Какой вред могу я вам нанести? Подозреваю, что у входа в эту комнату стоит по меньшей мере двое стражников, готовых продырявить меня пиками, как только я попытаюсь выйти отсюда.

– Трое, – соврал Управляющий. – Стражников трое. И у них не пики. У них пистолеты, – добавил он, стараясь придать своим словам естественно гордый тон.

Незнакомец покачал головой.

– Их двое. Они молоды, неопытны и вооружены пиками. У того, что помладше, болит живот, и ему давно уже пора сходить в уборную, но он боится, что ты накажешь его за то, что он оставил пост. И я рекомендую тебе позволить ему сходить туда, потому что иначе воздух здесь станет невыносимым.

Управляющий вытаращил глаза.

– Что же касается их *пистолетов*, – продолжал незнакомец, – то они ненастоящие. В мои времена их называли пугачами. От них много шума и никакого вреда.

Он закрыл глаза. Эти странные белые глаза, от которых Управляющего била дрожь.

Потом незнакомец прошептал:

– Сколько тебе лет?

– Почему ты спрашиваешь?

– Пожалуйста, скажи мне, сколько тебе лет.

– Двадцать пять, – пробормотал Управляющий.

Незнакомец долго обдумывал эту информацию.

Лицо его собеседника, покрытое юношеской бородкой, покраснело от волнения.

– Почему ты так нервничаешь? – деликатно спросил его незнакомец.

– Я не нервничаю.

– Это чувствуется по твоему поту, – парировал тот. – Так сколько вас? Из скольких людей состоит ваш город?

– Почему я должен говорить тебе это?

– Потому что я тебя об этом спрашиваю. И потому что я не способен использовать эту информацию против вас. *Посмотри на меня*.

Управляющий подчинился этому приказу. Он никогда не видел настолько старого человека. Самым взрослым человеком в Городе была Мать милосердия, а до нее самой взрослой была Мама, которая спасла их во время Чрезвычайного положения.

Но Мама была старше этих потерявшихся детей едва ли на десяток лет и умерла молодой.

А этот человек был *стар*.

Такая же длинная нестриженная борода была у главного героя истории, которую рассказывала Мама, – истории человека, пустившегося в охоту за огромным белым китом до самого края мира.

– Но я все-таки не *настолько* старый, – сказал вдруг незнакомец, как будто умел читать мысли.

– Сколько тебе лет?

– Во время Страдания мне было приблизительно столько же, сколько тебе сейчас. Страдание – это то, что ты называешь Чрезвычайным положением. Все называют его по-своему, но это одно и то же. День, когда все пропало, кроме надежды, да и ее осталось немного. Видимо, людскому роду суждено исчезнуть...

Управляющий раздосадованно махнул рукой.

– У меня нет времени на обсуждение бесполезных глупостей. Постарайся отвечать четко. Я хочу знать, кто ты и где ты находился перед тем, как повстречать Сынов Гнева. Хотя я согласен, все произошло так, как ты говоришь.

– Сыны Гнева? Вы так их называете? Подходящее название. Они молились, пока избивали меня. Они были похожи на чертей, но безостановочно молились на латыни. Я знал только одного настолько же чокнутого человека. Это был проповедник, ездивший на гигантском грузовике, внутри которого была церковь. Только его Церковь мучила и убивала. Его звали Давид Готшалк. Что-то среднее между палачом и проповедником. И я уже видел подобный символ, как раз на алтаре его церкви.

– Ты имеешь в виду глаз?

– Да. И я думаю, не исповедуют ли Сыны Гнева тот же богохульный культ, что и Готшалк.

– Меня это не интересует. Отвечай на мой вопрос.

Дэниэлс вздохнул.

– Ты спросил, и я говорю тебе еще раз, что сказал правду: я пришел из Венеции. Я прошел пешком сотни миль. Я направлялся в Рим. Но на четверти пути мне пришлось изменить направление, и я оказался здесь.

– Ты продолжаешь твердить какую-то бессмыслицу. Ответь мне на простой вопрос: из какого города ты пришел и в какой город направлялся. Дай мне известные названия. Скажи мне, сколько *дней* ты шел, а не сколько *миль*, что бы ни значило это слово.

Незнакомец снова вздохнул.

– Венеция – это город. Но не в том смысле, в котором это слово понимаете вы. Город, о котором говорю я, состоит из улиц, домов и палаццо. Погоди, не перебивай. Лучше дай мне еще воды.

Управляющий налил воды из кувшина и поднес миску к губам священника, который принялся пить очень медленно, с почти возвышенной серьезностью.

– Лучше воды ничего нет, – улыбнулся он, допив. – Но вам следует внимательней относиться к тому, что вы пьете. В этой воде полно грязи. Можно серьезно заболеть.

– Если она не вредит тебе, то тем более не может повредить нам, мы ведь моложе.

– Это ты так думаешь.

Уже давно Управляющий не говорил с человеком, настолько явно ставившим себя на один уровень с ним. Он привык отдавать приказы и редко сталкивался с равными. Те немногие разы, когда с ним случалось нечто подобное, происходили с пленниками, с солдатами из других городов, которым пришла в голову глупейшая идея бросить вызов *их* Городу. Он говорил с ними перед Приношением, иногда всю ночь напролет, стараясь получить как можно больше информации. С этими мужчинами и женщинами Управляющий говорил на равных. Но последние войны давно ушли в прошлое. Уже много лет никто не смел бросить вызов *их* Городу.

– Сколько вас? – снова спросил незнакомец.

– Здесь вопросы задаю я, – ответил Управляющий, – Эта Венеция, о которой ты говоришь, – сильный город?

– Нет, но в некотором смысле да.

Молодого человека охватила ярость.

– Довольно! Или ты начинаешь говорить, или я отдам тебя Дяде!

Незнакомец ничего не ответил. Он долго смотрел своими невидящими глазами в глаза Управляющего. Потом он заговорил.

– Давным-давно это был один из самых могущественных городов мира. Его флот господствовал во всем Средиземноморье. Его палаццо ломились от золота и драгоценных камней. Потом расцвет сменился упадком. Во времена Скорби он был уже лишь отголоском собственной былой славы.

– Значит, наш город более великий, чем твоя Венеция.

– Может быть. Я пойму это, если только ты скажешь мне, сколько вас и какое у вас есть оружие...

Рука Управляющего дернулась к пистолету.

– Постарайся успокоиться, – пробормотал со вздохом незнакомец. – Ты слишком активно обороняешься. Ну какой вред может тебе нанести такой старик, как я?

– Ты был практически мертв, когда тебя принесли сюда. Как тебе удалось так быстро прийти в себя? И как тебе удалось заполучить этот символ Сынов Гнева?

– Продолжай задавать вопросы. Не стоит беспокоить себя дурацкими вопросами о том, не голоден ли я.

– Сперва ответь. Если меня удовлетворят твои ответы, ты поешь. В противном случае я отдам тебя Дяде.

Незнакомец тряхнул головой.

– Ты уже второй раз упоминаешь его. Хотя бы это можешь мне сказать: кто он такой, этот ваш Дядя?

Этот вопрос, казалось, удивил Управляющего.

– Ты не знаешь, кто такой Дядя? Я думал, все его знают, и до Чрезвычайного положения знали тоже. Дядя – это существо, которое живет снаружи. Он один, но когда он добрый, его зовут Американский Дядя. А когда он злой, он становится Дядей Фестером. Когда Дядя добрый, он очень красивый и сияет разными цветами. А когда он злится, то становится уродливым, у него отрастают когти и зубы, и он делает с детьми ужасные вещи...

– У вас есть дети?

– **ХВАТИТ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ!** – закричал Управляющий так громко, что один из стражников приподнял портьеру, закрывавшую вход в госпиталь, чтобы посмотреть, что там происходит.

– Все в порядке. Возвращайся на свое место, – грубо приказал ему Управляющий.

Вооруженный юноша мигом повиновался. Наконечник его копья был смастерен из старого кухонного ножа, заточенного до такой остроты, что в умелых руках он мог стать смертельным оружием. Но у Дэниэлса были сильные сомнения насчет умелости державших его рук. Руки этого юноши дрожали, а на его лице лежал отпечаток предельного истощения.

– Когда этот парень последний раз ел что-нибудь по-настоящему питательное? – спросил он шепотом.

Управляющий в ярости ответил:

– Во время последнего Приношения. Можешь поздравить себя с тем, что этой ночью не будет следующего.

Глава 2. Последнее приношение

Эти слова заставили Джона Дэниэлса содрогнуться.

Во время этого долгого путешествия ему приходилось сталкиваться со множеством ужасов, но самым чудовищным был именно этот, и он, к сожалению, встречался слишком часто, – ужас положения, в котором человек вынужден питаться плотью себе подобных. Для Церкви Нового Ватикана в катакомбах святого Каллиста каннибализм был преступлением, каравшимся смертной казнью.

Но Церковь не всегда была способна заставить уважать свои законы. По крайней мере, за пределами своей территории.

А иногда и внутри нее.

Поговаривали, что Мори, семья, первой занявшая катакомбы и соперничавшая с Церковью за власть над этим гигантским подземным убежищем, в прошлом запятнала себя и этим ужасным грехом. В который раз за время своего путешествия отец Дэниэлс задумался о том, как в его отсутствие могло измениться соотношение сил в Сан Каллиста. Удалось ли Альбани оправдать перед Мори провал экспедиции в Венецию? Экспедиции, которая должна была принести богатейшие сокровища Сан Марко, от одной мысли о котором у Мори текли слюнки, а главное – любой ценой привести в Рим Патриарха, присутствие которого было необходимо, чтобы созвать конклав и наконец-то, после двадцати лет вакантного престола, избрать нового папу. А папой, вне всяких сомнений, стал бы Альбани – человек, который в сане камерария на протяжении двадцати лет, прошедших со смерти последнего понтифика, стоял во главе Церкви.

Когда Дэниэлс с конвоем швейцарских гвардейцев покинул убежище Святого Каллиста, политическое равновесие Нового Ватикана было неустойчивым, если не сказать больше. Церковные власти уступали территории клану Мори. Именно поэтому Альбани был вынужден отправить экспедицию, несмотря на огромные риски и полную неопределенность результатов.

При каждом воспоминании об Альбани отец Дэниэлс испытывал прилив ненависти – чувство, не подобающее его сану. И все же он ничего не мог с этим поделать. С тех пор, как открылось предательство Альбани, с тех пор, как он обнаружил, что миссия была обманкой, что настоящей целью экспедиции было разрушить Венецию и ее Патриарха взрывом атомной бомбы, единственной целью Джона стало остановить кардинала-убийцу.

Встреча с Патриархом глубоко тронула его.

То, что он обнаружил среди руин Венеции, было слишком прекрасно и таинственно для того, чтобы человечество позволило себе уничтожить его. Прежде, чем судить это, следовало понять. Быть может, это был дар, а быть может – угроза.

Путешествие сильно изменило отца Дэниэлса. Он потерял зрение, но приобрел способность сопереживать существам, которых когда-то осудил бы, не задумавшись ни на мгновение. Ужасы путешествия не только не погубили его веру, но и, напротив, закалили ее, как клинок. Хотя Альбани новая форма этого клинка привела бы в ужас.

Молодой человек, который называл себя Управляющим, пристально смотрел на лицо Дэниэлса.

– Что с тобой такое? – спросил он, озадаченный молчанием незнакомца. – Что, кошки на душе скребут?

При этих словах лицо священника дрогнуло. Его рот изогнулся углами кверху, чего с ним не происходило уже несколько месяцев.

На глазах у изумленного юноши Джон Дэниэлс громко расхохотался.

– А ты-то когда последний раз видел кошку?

Управляющий покраснел.

– Это просто такое выражение.

– А вот я видел кошку, – прошептал Дэниэлс. – В Венеции. Это была странная кошка. Она была и в то же время не была.

– Как Чеширский кот, – выпалил юноша.

– Как Чеширский кот, – подтвердил священник, переварив этот кусок информации. – А в детстве у меня был настоящий кот. Это был мейн-кун, полосатый кот. Его звали Ангел. Так ты что, знаешь «Алису в стране чудес»?

Управляющий был удивлен этим вопросом.

– Ну конечно! *Все* знают эту историю.

Дэниэлс предпочел не спорить с ним.

– А мой венецианский кот, должно быть, был тем самым знаменитым *котом Шредингера*.

– Чьим котом?

– Неважно. Венеция – очень странное место. Место, где меняешься изнутри. Но и это убежище... этот ваш город... не шутки. Так сколько вас тут, ты сказал?

– Ничего я об этом не говорил. И не заставляй меня повторять, что ты не должен задавать вопросы.

– У вас есть кто-то, кто заботится о вас, когда вы больны. Женщина, которая вылечила меня.

Управляющий гордо выпятил грудь.

– Да. У нас есть Мать милосердия. И Управляющий, то есть я. У нас есть кино, библиотека и...

– Что ты сказал? *Кино*?

– Да. В других городах нет ничего подобного. Это лишь несчастные...

– ...варвары?

– Хуже. Это пираты. И индейцы.

– *Пираты и индейцы*, говоришь.

Управляющий смотрел испытующим взглядом на Дэниэлса, стараясь уловить издевку или вопрос. Но священник, по-видимому, был согласен с его словами. Очень странный человек. По-настоящему странный. Кажется, что он знает кучу всего. Было бы по-настоящему обидно, если бы он умер, не поделившись с Городом знаниями, которыми обладает.

– Ты покажешь мне ваше кино? И вашу библиотеку? – спросил Дэниэлс.

– Когда тебе станет лучше. Ты же на ногах не стоишь.

– Но мне *уже* лучше.

Управляющий оборвал этот бесполезный спор, почувствовав, что вот-вот разозлится.

– Пока что отдыхай. Я пришлю к тебе Мать. Она будет ухаживать за тобой, пока ты не сможешь встать на ноги. И когда этот день придет, я посмотрю, смогу ли я выделить время на то, чтобы показать тебе Город. Я ведь человек занятой.

Не дав старику времени ответить и даже не кивнув на прощание, он отодвинул портьеру, закрывавшую вход в больницу, и вышел.

Вскоре после этого в комнате показалась голова Матери милосердия. В руках она несла миску с истертой каймой. От миски исходил невероятный запах, настолько сильный, что полностью заглушил вонь комнаты. Нос Джона Дэниэлса давно уже отвык от таких вкусных запахов. Рот наполнился слюной.

Но потом он с ужасом осознал, что это был за запах. *Бульон*.

Мясной бульон.

– Ешь. И не делай такое лицо, – упрекнула его Мать. – Если не будешь есть...

Она не закончила фразу.

«Что со мной будет, если я не буду есть? Что ты хотела сказать? – подумал отец Дэниэлс. – Если не будешь есть, то не вырастешь? Если не будешь есть, то придет Черный Человек? Придет Дядя?»

Женщина поднесла дымящуюся миску к носу священника. Она водила ею из стороны в сторону, пока запах не принес нужного результата.

Когда губы Дэниэлса коснулись края миски и первый глоток бульона попал в его рот, у него одновременно потекли и слезы, и слюни. Священник пил и внутренне проклинал себя, и снова пил, еще один длинный глоток, и с каждой каплей этой питательной жидкости, проникавшей в его тело, он произносил про себя слова извинения и молитвы. И Дэниэлс не смог бы сказать, какие из этих слов были адресованы Богу, а какие существу, за которое он в этот момент ел.

«Что мне делать с этим человеком?» – спросил Управляющий, обращаясь к фотографии.

На снимке, висевшем на стене его кабинета, была изображена Мать Города. Снимок висел в обрамлении огромной барочной рамы, найденной детьми в одном из магазинов района. Ее завитки из старинного дерева были декорированы ангелами и гроздьями винограда. Должно быть, раньше в ней помещался портрет какого-нибудь аристократа, великого кондотьера или даже папы. Фотография Мама – крошечный цветной квадратик – почти терялась среди этого великолепия.

Слишком тяжкую ношу своей должности нес Управляющий. Он хотел бы передать ее другим, но это было невозможно. Должность была пожизненной.

«Когда ты выбрала меня, ты знала, что мне предстоит?» – спросил он фотографию, с которой чувствовал нечто общее: как и она, он был чем-то маленьким в непропорционально большой раме.

«Ты знала, с чем мне придется столкнуться? Тяжесть выбора, последствия моих решений? Ты всегда говорила, что любишь меня, что я у тебя молодец, и вот так-то ты меня вознаградила?»

Слезы градом катились по его щекам.

Мама ничего не ответила. Да и как она могла ответить? На своем смертном одре она сказала вещи, которые Управляющий запомнил навсегда. Вещи, которые никто в Городе не должен был слышать.

«Там, снаружи, безобразный мир. Это не моя вина. Я не сделала ничего плохого. Моя вина в том, что я спасла вас. Мне следовало дать вам умереть. А потом убить себя. Так было бы лучше. Мне следовало плыть по течению, а не бороться с ним. Я пыталась спасти жизнь в умирающем мире. Я ошибалась. Чтобы спасти вас, мне пришлось совершить ужасные вещи. Мне пришлось отбросить всякую щепетильность, пожертвовать своими убеждениями. Мне пришлось делать ужасные вещи, чтобы сохранить вам жизнь...»

Мама сберегла один ценный предмет, оставшийся от времен до Чрезвычайного положения. Просто невероятно, что настолько хрупкая вещь все еще работала.

Она называлась «перьевая ручка Montblanc».

В тот день, в последние минуты, проведенные в этом мире, Мама передала Дону матерчатый сверток, в котором находились перьевая ручка и два драгоценных пузырька запасных чернил.

На ручке золотыми буквами было выгравировано имя Мама – Франческа Витали.

– *Это мой подарок на выпускной из университета,* – сказала она, зажимая бесценный дар в руках Дона. – *Возьми его. Теперь ты – новый Управляющий.*

– *Но почему я, Мама? Почему не Вагант?*

– Вагант не подходит. Ты можешь рассчитывать на его помощь, но эта должность не для него. Ты можешь довериться ему. Он исполнит все твои приказания, и исполнит их идеально. Но он неподходящий человек для руководства моими бедными детьми.

– Но мы так многим ему обязаны. Будет нечестно, если ты выберешь меня.

– Вагант поймет. Вот увидишь, он поймет. Проблемы будут устранять другие.

Ее сотряс долгий мучительный приступ кашля, заставивший согнуться пополам от боли. словно перочинный ножик Ваганта с маленьким лезвием, раскрывавшимся на сто восемьдесят градусов. Легендарным лезвием, которое однажды спасло их от людоедов. Мама согнулась под прямым углом, как этот ножик, лезвие которого затачивалось столько раз, что стало похоже на лист бумаги.

Этот ножик тоже был для них символом. Реликвией из прошлого.

В тот день, семь лет назад, умирающая Мама сделала Дону этот подарок и произнесла слова, сделавшие его новым Управляющим Города.

«Заботься о моих детях», – сказала она ему чуть слышным шепотом. После этого наступила лихорадка и тот последний приступ кашля. Она была похожа на пламя свечи, угасающее в луже растаявшего воска.

«Руководи ими. Защищай их. Утешай их, когда они будут чувствовать себя одинокими. Я видела, как на тебя смотрит Сара. Однажды у тебя будут дети, с ней или с другой женщиной. Помни, что как бы ты ни любил этих детей, ты должен еще больше любить тех, которые...»

Ее глаза надолго закрылись из-за приступа нестерпимой боли.

Когда Мама вновь заговорила, ее голос был тихим, как шелест листвы на ветру.

Дону вспомнилась та греческая девушка, так изнуренная любовью, что от нее остался один только голос. Когда она почти умерла, боги прониклись к ней состраданием и превратили ее в цикаду.

Сострадание...

От Мамы почти ничего не случилось.

Открыв глаза, она не закончила оборванную на середине фразу. Вместо этого она взяла руку Дона в свои хрупкие, словно паучьи лапки, пальцы и погладила ее. Ее губы медленно, почти незаметно шевелились. Среди слез и всхлипываний Дон понял, что Мама поет детскую песенку – ту самую, которую она пела им на ночь, когда они были маленькими. Совсем слабым голосом она допела ее до конца. Потом ее губы сомкнулись, и Мамы не стало.

Дона охватили неудержимые рыдания. Положив голову на Мамину руку, он заливал ее потоками слез.

Он просидел с ней всю ночь без движения, пока ее тело холодело, а рот раскрывался, придавая лицу глупое выражение.

На заре, когда тьма сменилась серостью, Дон встал на ноги в комнате, наполненной запахами болезни и выгоревших свечей. Он посмотрел на Маму сверху и почувствовал себя очень странно. Отчужденно, спокойно. Этот предмет, лежавший под покрывалом, уже не был Мамой. Это было тело, и следовало подготовить его к Приношению.

Когда Дон развернул кокон, в котором находилась драгоценная перьевая ручка, он был уже не Доном.

Он был новым Управляющим.

Вошедшие в комнату сразу поняли это. Блестящими от слез глазами они взглянули на мертвую Маму и на стоявшего рядом юношу. Затем поклонились в знак уважения обоим. Они позвали остальных и все вместе опустились на колени вокруг кровати. Медленно и торжественно Управляющий отвинтил колпачок ручки. Затем он склонился над лбом Мамы и после секундного колебания нарисовал на нем двенадцать полосок бар-кода. Ручкой вместо

ножа. Ее кожа была гладкой. Теперь на ней не было морщин – следов боли, отметивших ее в последние моменты. Знаки получились аккуратные, просто идеальные.

Управляющий произнес приветственную формулу и назначил четырех Горожан, которые должны были заняться подготовкой к Приношению. Естественно, Вагант. Затем Медведь, Васко и Малыш.

Четверо избранных подошли к кровати. Взявшись за концы покрывала, они обернули тело Мамы и молча взвалили его на плечи.

Управляющий выбрал Ваганта, потому что знал, что может рассчитывать в этом деле на главу их военного отряда, а остальных – потому, что они были наименее умными из всего Города. Они с Вагантом понимающе переглянулись, и тело унесли.

Этот обмен взглядами, который заметили немногие, а может, даже никто из присутствующих, был знаком настоящего вступления Дона в должность. Оставалось только официально подтвердить это.

Первым из горожан поднялся на ноги Дерево. Его звали так из-за худобы, делавшей его похожим на единственное дерево, которое все они помнили. Это было черное, обгоревшее дерево. Его можно было увидеть во внутреннем дворе Города, если смотреть с верхних этажей. Это был ствол, из которого торчали две ветки, похожие на вытянутые руки умоляющего о чем-то человека. Мальчик по имени Дерево был таким же. Дон задумался о том, какие он мог создать проблемы. С одной стороны, он был очень молод и не мог рассчитывать на симпатию многих в Городе. Но с другой стороны, Дерево был самым коварным из всех Горожан, и это было опасно.

– Мама умерла, – произнес он, обращаясь не к Дону, а к стоящим рядом с ним. – Теперь мы должны выбрать нового Управляющего.

Дон отрицательно помотал головой.

– Мама выбрала меня.

– И кто это говорит? Ты сам, Дон? – спросил другой юноша с вызовом.

Дон гордо показал им перьевую ручку. Дерево это не убедило.

– Ты мог отнять ее силой. Или украсть. Почему ты никого не позвал, Дон? Почему остался сидеть с ней один, когда она умирала? Откуда мы знаем, что ты не взял себе ручку после того, как она умерла?

Хранить спокойствие было непросто. В том числе и потому, что юноша чувствовал, как внутри него вскипает гнев.

– *Как ты меня назвал?*

Лицо Дерева выразило удивление.

– Теперь меня зовут не Дон. С этого момента я буду называться Управляющим.

Они с Деревом не отрываясь смотрели друг другу в глаза, как в детской игре.

Если бы младший мальчик был сообразительнее, если бы сумел лучше разыграть свои карты, он мог бы обратиться к Горожанам с воззванием и напомнить им, что никаких правил наследования поста единственной когда-либо бывшей у них Управляющей попросту не существовало. Но он не был умным мальчиком.

Для Города это был бы наихудший вариант из возможных.

В конце концов Дерево отвел взгляд и опустил голову. Что-то пробурчал сквозь зубы.

– Что ты там бормочешь?

– Ничего.

– *«Ничего»*, а потом что?

– Ничего, *Управляющий*, – ответил он, не поднимая взгляда.

Дон обернулся к Горожанам.

Комната была полна заплаканных лиц. Их глаза и зубы блестели, словно жемчужины посреди тряпья.

«Вот мой народ», – сказал себе Управляющий и почувствовал, как сердце забилося сильнее. Старая перьевая ручка лежала в ладони, как скипетр.

– Кто-то из вас еще считает, что меня зовут Дон? – спросил он мощным и уверенным голосом, несмотря на боль и страх, сдавливавшие его сердце.

Один за другим все присутствующие Горожане замотали головами.

Один за другим они подходили к новому Управляющему, жали ему руку и отвешивали легкий поклон.

Последним выразить свое уважение подошел Дерево. Его пальцы сжали руку Дона в холодном и потном рукопожатии. Затем с непонятной улыбкой на лице юноша отвел взгляд и вышел из комнаты.

«Бедный Дерево, – подумал Управляющий, поглаживая пальцем фотографию Мамы. – Бедный, безмозглый, глупейший Дерево».

В тот же вечер, пока весь Город оглашали рыдания из-за Маминой смерти, а запах горелого мяса заполнил все коридоры и комнаты, Управляющий шепнул на ухо Ваганту несколько слов. Тот даже не кивнул. Он вышел из комнаты легкими шагами, как призрак.

На следующее утро соседи Дерева по комнате обнаружили, что его постель пуста. Должно быть, он успел уйти еще до рассвета, захватив с собой все свои вещи. По крайней мере, это то, что им было сказано. И то, что они передали всем остальным.

Будь Управляющий на их месте, он поинтересовался бы, как это Дерево мог выйти из Города без противогаза.

Но, может быть, про себя они и задавались этим вопросом, но не сочли возможным задать его вслух.

Управляющий покачал головой. Тяжело вздохнув, в последний раз погладил фотографию, которая с годами выцветала все сильнее.

Он спросил себя – и эта мысль как молния озарила его сознание, – будет ли кто-то когда-нибудь так же гладить *его* фотографию.

«Нет, – улыбнулся он. – Этого не будет. У меня ведь нет ни одной фотографии».

Может быть, когда-нибудь сделают его портрет. Маслом или, например, пастелью. Человек со злым взглядом, рогами и вилами. Монстр, пожирающий ребенка.

Он повернулся к раме спиной, и его взгляд устремился в темноту коридора.

Глава 3. А одно – всесильное

Когда Джон Дэниэлс проснулся, его не удивило, что Управляющий сидит у его постели. Еще сквозь сон он узнал его запах, довольно резкий, но не слишком неприятный.

Последние два десятилетия стали неисчерпаемой коллекцией неприятных запахов: от смрада разложения до вони горелого дерева и до самого знакомого запаха – запаха убежищ: смеси плесневелого картона, мокрой ткани и немытых тел. А еще время от времени возникал запах крови, резкий даже в воспоминаниях, почти такой же, как запах ржавого лезвия. Во время своего путешествия из Рима в Венецию он чувствовал его слишком часто, а еще чаще – во время своего долгого пешего возвращения назад. Иногда это была его кровь, но чаще – кровь тех, кто пытался встать на его пути к конечной цели. По вечерам, во время привала, когда Дэниэлс укрывался в каком-нибудь ненадежном убежище, каждый раз, снимая перчатки, он принюхивался к запаху своих рук, боясь почувствовать зловоние гангрены. Его руки были живым мясом. Ремни саней протерли на них глубокие раны, похожие на стигматы, – язвы, иногда поражавшие некоторых святых (или даровавшие им, смотря с какой точки зрения смотреть) и повторявшие раны распятого Христа.

Металлический запах крови был приятным запахом. Он говорил о том, что в раны не попала инфекция. Тогда Джон открывал баночку с драгоценным жиром, смазывал им свои язвы, а затем перебинтовывал их.

Запах жира тоже был приятным. Главное – не задаваться вопросом о том, из какого животного этот жир добыт. Три банки он приобрел у торговца, встретившегося ему недалеко от Равенны – самого северного аванпоста Государства Церкви, временной столицей которого был Новый Ватикан. Убогой подземной столицей государства, карта которого была разбросана по полуострову подобно пятнам на шкуре леопарда: город здесь, аванпост сотней километров северней. В общей сложности всего несколько сотен человек, которых разделяло такое расстояние, что новости иногда опаздывали на недели, если не на месяцы.

Тот торговец был честным человеком. То, что показалось бы странным до Страдания, вошло в норму во времена, когда честность стала первым условием выживания, твоего и окружающих. В обмен на жир и кое-какие новости о Новом Ватикане, в большинстве своем не слишком правдоподобные, Джон отдал ему одно золотое кольцо из тех, что обнаружил в своем кармане на обратном пути из Венеции.

Это было одно из тех колец, которые дож, правитель Венеции, бросал в море с Бучинторого⁴ во время обряда обручения города с морем. Алессия, загадочная Алессия собрала горсть этих колец и отдала ему. Джон был уверен, что выбросил их, но несколько дней спустя, в самом начале своего обратного пути, обнаружил их в кармане своей куртки вместе с кольцом папы – Печатью Рыбака. Он еще помнил чувство, охватившее его при виде этого кольца на пальце командира швейцарских гвардейцев, хваставшего тем, что он снял его прямо с мумифицировавшейся руки последнего папы.

Теперь Джону Дэниэлсу было совершенно наплевать на кольцо. Оно утратило всякое символическое значение. Отныне его ценность равнялась ценности металла, из которого оно было изготовлено. В лучшем случае его можно было использовать как обменный товар, чтобы приобрести что-нибудь полезное для выживания. Оно ничем не отличалось от остальных колец, обнаруженных в кармане.

Впрочем, как ни неприятно было признаться, это кольцо, вероятно, стало бы последним, которое он пустил бы в ход для обмена на еду, воду и лекарства.

⁴ Бучинторо – название принадлежавшей государству изысканной галеры, на которой ежегодно в день Успения дожи Венеции проводили ритуал обручения с морем. – Примеч. автора.

- Привет, Дон, – прошептал он, не открывая глаз.
- Откуда ты знаешь мое имя, незнакомец?
- Ты продолжаешь называть меня незнакомцем. А я ведь сказал тебе свое имя.
- А вот мое ты, по-видимому, где-то подслушал, хоть я и не знаю, как и где ты мог это сделать.
- Ну уж и подслушал. Я же все-таки священник.
- Сам я тебе его не говорил. Значит, ты должен был услышать его где-то. Знаешь, мы в Городе сильно дорожим своими именами.
- Как бы то ни было, меня зовут Джон Дэниэлс.
- А меня Управляющий. Запомни это. *Управляющий*, а не так, как ты меня назвал. Это было мое предыдущее имя. Больше оно не мое, – он наклонился. Взял правую руку Дэниэлса и принялся разглядывать ее. – Что ты сделал со своими руками?
- Я тащил сани. Три месяца подряд или около того.
- Управляющий расхохотался.
- Ты издеваешься надо мной? Три месяца? Ты хотел сказать, *три дня*?
- Три месяца, – возразил Дэниэлс спокойно. Юноша почесал бороду. Он пытался определить по выражению лица незнакомца, шутит тот или говорит серьезно.
- Хватит надо мной смеяться, – сказал он в конце концов.
- Я не смеюсь над тобой.
- И где же эти сани? Команда, которая подобрала тебя, не видела никаких саней.
- У меня их отняли.
- Ах так, и кто же у тебя их отнял? Те же, кто почти прикончил тебя?
- Нет, другие из их шайки. Другие лица, та же порода.
- Сыны Гнева?
- По всей видимости, те, кого вы так называете.
- И что же ты вез в этих своих санях? Подарки хорошим детям?
- Дэниэлс улыбнулся.
- На самом деле подарок был всего один. И для очень плохого взрослого. К сожалению, у меня его отняли.
- Значит, ты даришь подарки плохим людям?
- Ну это смотря какие подарки.
- И что же это был за подарок, который они у тебя отняли?
- Термоядерная боеголовка. Одна из мелкокалиберных. Их еще называли тактическими. Теоретически предполагалось, что они портативные, но когда таскаешь ее за собой столько времени, начинаешь несколько по-иному представлять себе значение слова «портативный».
- Управляющий пристально смотрел в мертвые глаза старика.
- Никто не может прожить три месяца рядом с атомной бомбой.
- А еще никто не может три месяца передвигаться снаружи днем, не так ли? И все же я это сделал.
- Ты надо мной издеваешься. Чтобы умереть, достаточно провести снаружи всего один день.
- Не совсем так, но то, что ты говоришь, весьма недалеко от истины.
- Значит, ты врешь мне.
- Нет. Ваши выводы ошибочны, дорогой Ватсон.
- Услышав это имя, Управляющий остолбенел.
- Судя по твоей реакции, ты знаешь о приключениях Шерлока Холмса, – сказал Дэниэлс.
- Да. И ты?

– Конечно, в детстве я прочел их все. Как и «Моби Дика», и «Приключения Тома Сойера»...

– Последнее название мне незнакомо. Что это?

– Книга Марка Твена.

– Она у тебя есть? – спросил юноша с жадностью.

– Дело даже не в том, что у меня ее нет. Ты видел мои глаза? На что мне может пригодиться книга?

Управляющий выглядел сильно разочарованным. Сознание Дэниэлса, незаметно изучавшее мысли молодого человека, вздрогнуло от волны агрессии, которая резко поднялась в молодом человеке.

– Но я знаю ее наизусть, – инстинктивно солгал он. Мысли юноши окрасились зеленым.

– Серьезно? А еще какие-нибудь книги знаешь?

– Все.

Это была сама рискованная ставка из всех, что мог сделать Дэниэлс.

И она оказалась выигрышной.

Мысли молодого человека зажглись искрящимся белым, переливавшимся золотом и серебром.

– Правда? Ты знаешь их *все*? Ну, так значит, ты просто волшебный. Ты просто волшебный человек!

– Ну что-то в этом роде.

– Пойдем. Я отведу тебя в Город.

– А это разве не Город?

– Нет, это нет. Пойдем, я покажу тебе нашу библиотеку.

– Но я еще не готов.

Вокруг головы юноши моментально загорелись красные огоньки. Пляшущие огоньки гнева. На самом деле Джон все-таки видел предметы этого мира, но только как очертания, окруженные мерцающими аурами. Так было с того самого дня, как он повстречал Монаха.

С того самого дня, когда это невероятное создание поделилось с ним своим видением. Видение того, что происходило в Риме. В обмен на свои способности это непостижимое создание забрало у него очень многое. Лишь время могло показать, был ли обмен выгодным.

Огоньки вокруг лица Управляющего продолжали расти.

– Ладно, – поспешил сказать Джон. – Хорошо, я пойду с тобой.

Опираясь на локти, он смог сесть. Это усилие далось ему нелегко. Голова начала кружиться, и он упал бы обратно на постель, если бы руки молодого человека не поддерживали его.

– Помоги мне... встать...

Тело Джона Дэниэлса было хрупким. Легким, как кокон. Даже в мире, знавшем лишь тощие тела, тело священнослужителя было легким настолько, что у молодого человека захватило дыхание. Он без усилий поднял священника и помог встать на ноги.

На Дэниэлсе не было ничего, кроме грязных повязок, которыми были забинтованы его раны.

– Где... моя одежда?

Управляющий медленно довел Джона до угла больницы, в котором Мать оставила вещи незнакомца. Они были аккуратно сложены, но очевидно не постираны. Тем не менее, они не воняли. Управляющего удивил запах, который от них исходил. Это был нейтральный запах, в то же время состоявший из множества разных запахов.

Джон улыбнулся этой мысли молодого человека. Давным-давно один его друг, учившийся в Массачусетском технологическом институте, объяснил ему за пивом, как при помощи одного звука заглушить другой.

«Две абсолютно идентичные звуковые волны с противоположными амплитудами взаимно нейтрализуются. Это значит, что, если ты хочешь устранить шум, тебе нужно просто создать антишум, который взаимно нейтрализуется с мешающим тебе шумом. Шум и антишум порождают тишину».

Джон ничего не понял из этого объяснения, но оно вспомнилось ему, когда он вдохнул запах, исходивший от своей одежды. Да, это были ужасные запахи. Среди них были и плесень, и грязь, и дерьмо. Но кроме того, среди них были и антизапахи снега, костра в убежище, горячего картофельного супа. Антизапах близких друзей, сидящих вокруг костра, антизапах обмененных товаров: жир для смазки патронов, аромат табака, когда открываешь металлические коробки, пролежавшие запечатанными два десятка лет...

Но прежде всего запах снега.

Точнее, не запах, а *запахи*. Потому что запах снега всегда бывал разным. Он менялся от места к месту. В некоторых снег имел металлический вкус. В других Джону казалось, что он пахнет мертвыми листьями, хоть это и было невозможно, потому что – по крайней мере, насколько он знал по собственному опыту – растительность полностью исчезла с лица планеты. Смены времен года больше не было, была только долгая, смертоносная ядерная зима.

И все же...

И все же иногда снег пах мертвыми листьями, которые в его детстве сгребали в садах в кучи, чтобы потом сжечь.

Да, еще одним запахом из тех, что он иногда ощущал, был запах сожженных в костре листьев.

Мозг говорил ему, что эти запахи – всего лишь игра воображения, что ничего этого не существует, что снег пахнет лишь пеплом и что он ядовит. Но сердце упивалось этими призрачными запахами, обретая в них прошлое, прелесть давно прошедших утр, когда утыкаешься носом в стекло, глядя на падающий хлопьями снег.

Он закончил застегивать пуговицы на куртке. По пару, выходящему у него изо рта, определил, что в комнате очень холодно. Но некоторое время назад он перестал различать тепло и холод. Он *притворялся*, что различает их, чтобы не возбуждать подозрений у окружающих.

Он оделся не думая. Его руки все сделали сами: выбрали одежду и надели ее, натянули военные сапоги – одну из самых ценных вещей, которой он обладал. После Страдания такие сапоги уже не производились. Он ощутил зависть Управляющего. Когда-то такие изношенные сапоги уже давно валялись бы на помойке. На них было полно царапин, а в некоторых местах на коже остались самые настоящие шрамы. Но даже в таком состоянии они были настоящим сокровищем. Некоторые за такие сапоги могли и убить. Но не Управляющий. Не он. По крайней мере, не сейчас. Сейчас этот юноша дрожал, как маленький ребенок накануне Рождества. Он переминался с ноги на ногу, с нетерпением ожидая, когда старик наконец оденется.

– Ты закончил? Мы можем идти?

– Идем, – вздохнул Дэниэлс.

Своим новым восприятием – особым зрением, которым не обладало (или, быть может, пока не обладало) человечество, – он видел длинный коридор, из стен которого сочилась влага. Расставленные вдоль стен ведра и тазы собирали воду, фильтровавшуюся через нечто, напоминавшее старые женские чулки. Во время своего путешествия Джон уже видел такое и в других местах, а также такие же или очень похожие методы разведения грибов, которые

росли в некоторых маленьких боковых комнатах, отходящих от широкого коридора. В других, лучше освещенных помещениях, находились шкафы, полные горшков с растениями: лук, картофель, соя, фасоль и даже некоторое количество хилых помидоров. В приглушенном свете листья растений были бледными. Но даже в таком виде эта эктоплазматическая зелень, воспринимаемая его новыми чувствами, была чудом.

В другой комнате на середине пути Джон ощутил присутствие суетливой, лихорадочной жизни. Из нескольких металлических клеток на него внимательно смотрели существа, крупные, как кошки.

Джон принялся к воздуху. *Мыши*. Он тряхнул головой, вспомнив шквал сомнений, охвативший его накануне вечером после первого глотка бульона. Не то чтобы мышиное мясо сильно его прельщало. Но вероятная альтернатива – как правило, *единственная* альтернатива – была решительно хуже.

Изображение в его сознании переключилось на инфракрасное видение и обнаружило два десятка худых, но здоровых существ, мелькание хвостов и щелканье зубов, свидетельствовавшее о чудовищном голоде. Мыши отходили в самый дальний конец клетки, а потом с разбегу бросались на прутья решетки.

Управляющий заметил опасения священника.

– Не бойся. У нас очень прочные клетки.

И он потянул Джона дальше, таща его за ворот куртки и не заботясь о том, что тот был ранен и слеп. Он мчался с такой скоростью, что, казалось, убегает от кого-то. В коридоре они не встретили ни одной живой души. «Успокойся, – говорил женский голос в голове священника. – Здесь нет никакой опасности. Успокойся». Перед ними появился поворот в другой коридор, такой же широкий, как и первый.

Управляющий свернул в него, таща за собой Джона.

Управляющему было достаточно редких факелов на стенах для того, чтобы ориентироваться в этом подземном пространстве, необъятном по сравнению с тесными помещениями Святого Каллиста. Джону, естественно, освещение не было нужно вовсе. В его странном зрении факелы были всего лишь золотыми переливающимися формами, танцевавшими, словно призраки света, под действием воздуха, приводимого в движение проходящими мимо людьми.

От коридора отходили десятки других маленьких, совершенно одинаковых комнат. В одной из них двое человек в пластиковых накидках и противогазах собирали со стен грибы, счищая их чем-то вроде щеток в маленькие корзинки, висевшие у них на боку.

Они еще раз свернули за угол и оказались перед ведущей вниз рампой, выкрашенной в желтые полосы. Краска почти совершенно истерлась под действием времени и обуви ходивших по ней людей.

Они спустились по второй, практически идентичной рампе.

Внезапно Джон осознал, где они находятся.

Подземные этажи многоуровневого гаража.

Комнаты по бокам коридора на самом деле были частыми гаражами. Автоматических дверей на них не было. Вероятно, их использовали для каких-то других целей. Быть может, переплавили на оружие и инструменты.

Несколько минут спустя за последним поворотом Джон увидел, что произошло с этими дверями.

Проход перегораживала стальная стена.

На стене висела металлическая табличка.

В измененном зрении Джона рисунки и буквы выглядели странными, но тем не менее ему удалось понять их значение. На табличке был изображен план этажа.

Судя по рисунку, за стеной открывалось гигантское пространство – открытый гараж размером с весь этот этаж. На стене красной краской была изображена цифра: «-3».

Это был номер этажа, на котором они находились.

Двери, снятые с частных гаражей, были спаяны в две полые откосные стены, защищавшие пространство по ту сторону. Одна внешняя ограда и одна внутренняя, почти до потолка в высоту. Заточенные металлические шипы торчали из листов первой ограды и были направлены и наружу, и внутрь. Это было потрясающее оборонное сооружение. Внутри первой крепостной стены было около двух метров свободного пространства, в котором могло разместиться около тридцати бойцов, а прямо за ней лежала намотанная на заостренные столбы колючая проволока. А уже за этим препятствием находился второй барьер. В нем металлические листы были спаяны во много слоев, а наверху открывались высокие узкие бойницы. По оценке Джона, этот барьер должен был быть около полуметра в толщину. Защитники, лица которых виднелись в бойницах, стояли на приподнятой над полом площадке, затылками практически касаясь потолка. Джон насчитал шестерых бойцов, вооруженных оружием, напоминавшим охотничьи ружья.

Широко расставив ноги, Управляющий встал перед единственной дверью в первой ограде.

Двое юношей, на которых были такие же накидки, что и на сборщиках грибов, открыли дверь, легко повернувшуюся на хорошо смазанных петлях. Они тоже были вооружены, но только пистолетами. Они поприветствовали Управляющего и внимательно оглядели его гостя.

В пространстве между двумя оградами было чисто. В металлических ящиках хранилось оружие и форма. Ящики были закрыты, но для Джона это была не помеха. Он был способен узнать об их содержимом из сознания охранников. В ящиках лежало старое оружие, заряженное эмоциональной энергией, которая окрашивала все в ярко-красный, как флуоресцентная краска.

Спортивные луки, копья, пики, несколько пистолетов.

В качестве арсенала – не очень-то.

Вторая дверь была совсем другой. Просто поразительная вещь. Массивная конструкция, собранная из скрепленных болтами листов, весом, должно быть, в тонну. Казалось, ее не сдвинуть и вдсятером, но в реальности силы одного юноши хватило на то, чтобы открыть ее простым движением руки, как будто это дверца холодильника былых времен.

Они вошли. Металлические стены были более сорока сантиметров в толщину – Джон определил почти точно. Под такой защитой караульные могли приостановить почти любую атаку, а затем отступить, закрыв окна металлическими же ставнями.

«Кто бы он ни был, спроектировавший эти укрепления знал свое дело», – подумал Джон.

– Я недооценил вас из-за вида твоих солдат в воскресенье в больнице.

– Многие нас недооценивали.

Джон хотел спросить, почему все эти укрепления были *внутри* жилой зоны, а не снаружи, где они могли бы устрашить любого врага. Но Управляющий ответил на этот вопрос еще до того, как Джон успел задать его.

– Мы не хотим, чтобы кто-либо извне понял, насколько хорошо защищен Город. Это может вызвать желание завоевать его. Поэтому снаружи мы держим низкий профиль. Поэтому наши... *гости*... видят только то, что мы хотим, чтобы они видели.

– Так что же, больница для вас не важна?

Администратор пожал плечами и улыбнулся.

– Это не настоящая больница. У нас есть другая внутри Города. *Настоящая*.

– Так вот почему она больше похожа на подвал, чем на укрытие?

– Именно, – ответил Управляющий удовлетворенно. Дверь второй ограды закрылась у них за спиной. Черные портьеры из плотной и тяжелой ткани скрывали пространство перед ними.

Управляющий отодвинул край одной из них и пропустил Джона вперед.

Глава 4. Библиотека

Если бы Джон по-прежнему обладал обычным человеческим зрением, его поразил бы ярчайший свет, заливавший огромное помещение за занавесками.

А также *тепло*.

Страдание погрузило мир во тьму и холод. И для человечества они стали нормой. Поэтому столкновение с этим огромным подземным пространством было чем-то совершенно невероятным.

В помещении было по меньшей мере восемнадцать градусов тепла, а освещение обеспечивали длинные панели, висевшие на потолке. Человек, живший до разрушения мира, посчитал бы такое освещение слабым. Но в новые времена оно казалось необычайно ярким.

В свете панелей было видно все великолепие подземного помещения. Точнее сказать, то, что в эти убогие времена считалось великолепием.

Люди здорового вида ходили вдоль прилавков чего-то вроде рынка. Автомобили и фургоны были переделаны в спальни, а старый туристический прицеп – в подобие бара, на котором даже было написано готическим шрифтом: «АДМИРАЛ БЕНБОУ».

– Ну что, нравится тебе наш Город? – спросил Управляющий с детским воодушевлением, но сразу нахмурился. – Прости. Я забыл, что ты не можешь видеть.

– Не надо извиняться. Чтобы понять, какие вы счастливики, видеть не нужно. Я чувствую жару. И свет.

Произнося эти слова, отец Дэниэлс почувствовал себя неуютно. До Страдания немногие называли бы температуру в восемнадцать градусов жарой. И уж тем более не посчитали бы ярким свет этих панелей на потолке. Но после крушения цивилизации многие вещи, когда-то казавшиеся нормальными, превратились в чудо.

– Когда наступило Чрезвычайное положение, здание у нас над головами было совсем новым, всего несколько недель. Его построили специально для какого-то мероприятия. Типа ярмарки. Кажется, она называлась Европейской выставкой. На ней должны были демонстрироваться чудеса прогресса. Это здание и правда прекрасно выдержало удар, и многие вещи до сих пор функционируют. И термоизоляция была высшего качества. Поэтому мы можем подниматься до самого последнего этажа. Оттуда открывается великолепный вид. То есть, прости...

– Я уже говорил, что тебе не за что извиняться. И да, я хотел бы подняться на последний этаж.

– Посмотрим. То есть, я хотел сказать...

Дэниэлс махнул рукой. Но его губы улыбались.

– Да прекрати ты стесняться. Пожалуйста. Расскажи лучше, что продолжает функционировать.

– Ну эм... Свет, окна. Все остальное поломалось – одно за другим. Десять лет назад здесь было действительно хорошо. Работало отопление. Была проточная вода.

Молодой человек почесал бороду. Разбежавшиеся при этом вши красноречиво свидетельствовали о последствиях этих поломок.

– По сравнению с другими виденными мной местами вам повезло. Поверь мне. Скажи лучше, почему ты сказал, что часовой чувствовал себя плохо из-за того, что не ел? И почему ты рассказал мне о Приношении?

Управляющий улыбнулся.

– Я хотел напугать тебя.

– Значит, вы не едите своих покойников?

– Нет. Этому парню было плохо из-за вируса, который он подхватил снаружи. Это же называется вирусом, правильно?

– Да. Так что же тогда представляет собой это ваше Приношение?

– Ему нас научила Мама. Она прочла о нем в одной книге. Позже я покажу тебе. *То есть...*

– Я понял. Не извиняйся.

Они пересекли это подземное пространство.

Не все осветительные панели были включены. В некоторых темных местах располагались высокие конструкции, поднимавшиеся до самого потолка. Они были похожи на гигантские шкафы, сколоченные из самых разнообразных материалов: дерева, листового железа, пластика. Во всех шкафах лежали матрасы. На некоторых полках спали люди, завернувшись в одеяла, на которых заплаток было больше, чем самой материи.

– Мы спим по очереди. Одна дозорная команда всегда расставлена по периметру Города, другая патрулирует окрестности, плюс две команды разведчиков. Как та, что тебя подобрала.

– Вам все еще удастся что-то находить?

– Не еду, если ты думаешь об этом. Ее уже не найти. Но порой нам попадаются кое-какие сокровища. Магазин крепежа в двух кварталах отсюда обеспечил нас порядочным количеством материалов. Нам понадобилось три месяца, чтобы полностью опустошить его и транспортировать все это в Город. Но еда – нет. Вина и крепкого алкоголя – сколько хочешь, но Мама запретила нам пить, так что мы используем его только в качестве обменного товара. Например, нынешняя Мать милосердия стоила нам шести ящиков вина и десяти бутылок виски. Это была выгодная сделка, хотя, возможно, тебе и другим людям не из Города так не покажется.

Джон Дэниэлс не ответил. Он был слишком занят наблюдениями за тем, что ему удавалось уловить. Так, отсутствие пожилых людей добавляло еще один штрих к образу Города, формировавшемуся в его сознании.

У них было некоторое количество детей, но немного. О них заботились матери. Было даже нечто вроде школы. Учительница – одна из самых взрослых женщин, которых Дэниэлс к этому времени успел увидеть в Городе, – писала на доске слова, а класс, состоявший из детей разного возраста, повторял их вслух.

Дэниэлс вновь пообещал себе спросить Управляющего, как вышло, что в Городе нет взрослых, но тут они очутились у цели своего путешествия. Перед ними стояла любопытная конструкция.

Она напоминала пластиковый домик из тех, которые когда-то ставили в саду для детских игр. Но только этот домик был гораздо больше – по меньшей мере десять на десять метров и высотой до потолка. Он был ярко раскрашен: красная крыша, желтые стены и зеленые окна и двери.

Управляющий достал из кармана огромный ключ и торжественным движением вставил его в замочную скважину столь же впечатляющих размеров.

Дверь открылась.

– Заходи, – сказал молодой человек, помогая Дэниэлсу переступить порог. Как только они вошли, он зажег керосиновую лампу, а затем одну за другой такие же лампы, висевшие вдоль стен. – Добро пожаловать в нашу библиотеку, – объявил он торжественно. Дэниэлс был поражен.

Все стены были сплошь уставлены низкими шкафами, в которых помещались ряды книг. В помещении пахло плесенью, а зеленое ковровое покрытие, которое, вероятно, должно было изображать полянку, покрывали влажные пятна.

«Так это и есть их хваленая библиотека», – разочарованно подумал Дэниэлс. Все книги были детскими. С яркими обложками и красочными иллюстрациями. Заметив гордость Управляющего, Дэниэлс заставил себя улыбнуться. Он провел пальцами по корешкам. Сфокусироваться на буквах ему не удалось. Священник взял одну из книг, легкую, как перышко.

– Что это? – спросил он юношу.

– «Моби Дик».

Книжка в его руках была ужасно тонкой.

Когда Дэниэлс читал ее в университете, шедевр Мелвилла был романом в восемь сотен страниц.

– Значит, это и есть библиотека.

– Да.

– А другие книги у вас есть?

– Есть, в других комнатах Города. Но они скучные, в них почти ничего, кроме цифр.

– Значит, вы учитесь здесь. И ваше образование строится на этих книгах.

– Да. Мама всегда говорила нам, что мы должны учиться.

– Понимаю. А где сейчас Мама?

Юноша помрачнел.

– Она покинула нас. Семь лет назад.

– Ты хочешь сказать, что она умерла?

– Да. Пока она была жива, Город процветал.

– Мне кажется, что вы и сейчас неплохо справляетесь.

– Но это ничто по сравнению с тем, как мы жили тогда, – вздохнул Управляющий.

Он сел на одну из малюсеньких детских табуреточек, раскрашенных яркими красками. – А теперь расскажи мне про Тома Сойера.

«И что же теперь делать?» – спросил себя Дэниэлс.

Он читал эту книгу в детстве. В памяти сохранились только название и сюжет в самых общих чертах. Только инстинкт самосохранения заставил его сказать мальчику, что он знает ее наизусть.

Он закрыл глаза.

Ничего не изменилось. Его зрение не было связано с глазными яблоками. Он погрузился в собственное сознание. Этому трюку его научил Монах.

Представь себе, что ты рыба, плавающая неглубоко в озере.

Представь себе, что внезапно появляется охотник. Это медведь.

Представь себе, что ты из всех сил бросаешься ко дну озера.

Ты опускаешься все глубже, ныряешь ко дну, туда, где вода темна, словно мантия мрака.

Сознание Дэниэлса погрузилось на дно озера.

Вокруг была тьма, в толще которой то появлялась, то вновь исчезала крошечная светящаяся точка.

Джон поплыл к этому свету.

Свет шел от пламени костра. Сперва стал виден его красноватый отблеск, а затем – звезды на черном бархатном небе.

Теперь он был не на дне озера, а на его берегу, на небольшой поляне.

Сидевший у костра человек в капюшоне склонился к угольям и ворошил их веткой, чтобы расшевелить пламя.

Джон подошел к нему неестественно легкими шагами. Это было похоже на видеозаписи передвижения человека на Луне. Как будто сила притяжения была слабее земной.

– Добро пожаловать, Джон, – сказал сидевший у костра и движением руки пригласил Дэниэлса сесть рядом.

Трава была мягкая, свежая. У Джона сжалось сердце. Он так давно не трогал траву. Он даже боялся помять ее, несмотря на то, что прекрасно *знал*: то, что окружает его, не настоящее – чистая иллюзия.

Он дотронулся до травы. Выскочивший на руку сверчок щекотнул его пальцы. Воздух был теплый, пахло зеленью и дымом костра.

– Ты прошел большой путь со времени нашей последней встречи.

Дэниэлс покачал головой.

– Большой путь и огромный крюк.

Его собеседник пожал плечами.

– Каждый шаг на нашем пути имеет смысл. Каждый кажущийся крюк на самом деле является частью прямого пути. Ты никуда не сходил с него.

– Быть может.

– Раз ты вернулся ко мне, значит, я тебе для чего-то нужен.

– Я думал, ты знаешь.

– Быть может. Но я хотел бы, чтобы ты сам сказал мне это.

– Ты нужен мне, Монах.

– Опять ты меня так называешь...

– Но ты не представился. Пока ты не скажешь мне своего имени, я буду звать тебя так.

– Как хочешь. Видел, какие сегодня звезды?

Дэниэлс поднял голову. Млечный Путь тек мимо них, как белая река. Такая красивая, что дух захватывало.

– Ты скучаешь по звездам? – прошептал Монах. – Настанет день, когда они снова засияют над этой землей. И знаешь что? Люди не обратят на это никого внимания. Как не замечали их до катастрофы. Ну, так что ты от меня хочешь?

– Ты ведь знаешь. Я сказал мальчику, что знаю кучу книг наизусть, а это неправда.

– Почему ты говоришь, что это неправда?

– Потому что я не помню из «Тома Сойера» ни единого слова.

– Ты в этом уверен? Ты же все-таки читал его.

– Очень много лет назад.

– Значит, он где-то здесь. Попробуй заглянуть внутрь.

Монах направил свой указательный палец, очень длинный и костлявый, на дорожную сумку, лежавшую на камне.

– Давай. Открой ее.

Джон повиновался. Его рука просунулась в складки ткани. Пальцы сомкнулись на каком-то твердом предмете.

Он вынул его. Это была книга. Старое издание в кожаном переплете.

Он раскрыл обложку.

«Приключения Тома Сойера». Глава первая.

– Читай вслух, – велел ему Монах.

«– Том!

Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Нет ответа.

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них: она редко смотрела сквозь очки, если ей при-

ходило искать такую мелочь, как мальчишка, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: она носила их только “для важности”; на самом же деле они были ей совсем не нужны; с таким же успехом она могла бы глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но все же довольно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

– Ну, попадись только! Я тебя...»⁵

Джон собирался перевернуть страницу, но тут Монах выхватил книгу и бросил ее в пламя.

– Что ты делаешь?

– Тебе не нужна эта книга.

– Еще как нужна!

– Нет. Ты уже ее знаешь.

– Это неправда!

– Ты уже ее знаешь! – повторил собеседник Дэниэлса не терпящим возражений тоном, как говорят с раскапризничавшимся ребенком. Он пошевелил страницы книги веткой. Пламя разгорелось, но лица под капюшоном по-прежнему нельзя было разглядеть. Как будто оно поглощало свет.

– Возвращайся туда, откуда ты пришел, – отрезал Монах. – Твоя просьба исполнена.

Джон почувствовал рывок. Это походило на ощущение, которое он испытал, когда в восемнадцать лет одна подруга убедила его попробовать *банджи-джампинг*. Он почувствовал себя так же, как в тот момент, когда резиновый канат отдергивает тебя обратно и ты летишь вверх.

Сознание Джона Дэниэлса снова наполнилось светом, а уши звуками. Взрыв света, вспышка звука. Другое место.

– ...что я могу доверять тебе, – заключил Управляющий.

С того момента, когда Джон погрузился в черные воды своего сознания, не прошло и секунды.

– Расскажи мне эту историю, – настаивал молодой человек.

Джон опустил голову. Медленно поднял ее. Его охватило странное чувство. Откашлявшись, он начал рассказывать:

«Приключения Тома Сойера. Глава первая.

– Том!

Нет ответа.

– Том!

Нет ответа.

– Куда же он запропастился, этот мальчишка?.. Том!

Нет ответа.

Старушка спустила очки на кончик носа и оглядела комнату поверх очков; потом вздернула очки на лоб и глянула из-под них: она редко смотрела сквозь очки, если ей приходилось искать такую мелочь, как мальчишка, потому что это были ее парадные очки, гордость ее сердца: она носила их только “для важности”; на самом же деле они были ей совсем не нужны; с таким же успехом она могла бы глядеть сквозь печные заслонки. В первую минуту она как будто растерялась и сказала не очень сердито, но все же довольно громко, чтобы мебель могла ее слышать:

– Ну, попадись только! Я тебя...

⁵ Перевод К. Чуковского.

Не досказав своей мысли, старуха нагнулась и стала тыкать щеткой под кровать, всякий раз останавливаясь, так как у нее не хватало дыхания. Из-под кровати она не извлекла ничего, кроме кошки».

Управляющий тихонько захлопал в ладоши. Его глаза сияли от радости.

– Ты знаешь всю книгу наизусть? Прямо *всю целиком*? У нас этой книги нет!

Джон утвердительно кивнул.

– У меня есть и эта книга, и многие другие. Внутри. В моей голове.

– Я хочу, чтобы *все* послушали, как ты рассказываешь историю Тома Сойера. Сегодня вечером мы организуем публичные чтения. Мы устроим праздник.

– Как скажешь. Но сейчас позволь мне изучить вашу библиотеку. Я хочу понять, какие книги у вас есть, а каких не хватает.

Молодой человек взял Дэниэлса под руку. Он зачитал ему вслух названия книг из первого шкафа. Все это были детские книжки. По таким хорошо учить алфавит: много иллюстраций, мало текста. Во втором шкафу книг было больше. Это были простые истории, адаптированные для младших классов. Джон попросил подвести его к шкафу, который Управляющий назвал секцией для взрослых. Она полностью состояла из коротких детективных романов о приключениях Скуби-ду и говорящего мышонка Джеронимо Стилтона.

Самыми взрослыми книгами оказалась серия романов о Гарри Поттере. Никакой справочной литературы не было вообще. Ни единого атласа, ни единого словаря.

– О, да нам и не нужен атлас, – с улыбкой сказал Управляющий, гордо указывая на большой геополитический глобус.

Джон Дэниэлс подошел к пластиковому шару. Провел рукой по его поверхности. Его пальцы прошли по государствам, которые некогда были безгранично могущественны: Китай, Россия, Соединенные Штаты Америки...

*Quomodo sedet sola civitas...*⁶

Ничего из этого больше не существует, – подумал он.

Если бы теперь кому-нибудь пришло в голову раскрасить этот глобус в его настоящие цвета, получился бы серый шар, укрытый плотным покрывалом облаков, под которыми тлеют угли атомной смерти...

Нет больше стран, нет спутников, изучающих космос, нет больше самолетов, бороздящих смертоносные небеса планеты.

Солнце стало нам врагом.

Дождь стал нам врагом.

Слеза скатилась по его щеке, с трудом пробираясь сквозь многодневную бороду.

*Quomodo sedet sola civitas / plena populo...*⁷

– Тебе плохо? – с тревогой спросил его Управляющий.

– Нет. Это было всего лишь мгновение. Все прошло.

– Тогда скажи мне, что ты думаешь о нашей библиотеке.

– Несомненно, это самая большая из всех библиотек, что я видел после... после Чрезвычайного положения.

«И самая бесполезная», – хотел добавить он, но не сделал этого.

– Она стала для нас школой, – с гордостью произнес юноша, – и даже больше. Это способ помнить старые времена. Которые однажды вернутся.

– Думаешь?

На лице Управляющего выразилось возмущение.

⁶ Как одиноко сидит город (лат.) – первые слова плача Иеремии.

⁷ Как одиноко сидит город, некогда многолюдный (лат.). – Там же.

– Конечно! Человечество сумеет вернуться на путь к величию. Нужно только дождаться времени, когда зима кончится и на поверхности снова можно будет жить. Мама всегда говорила, что это всего лишь вопрос времени.

Дэниэлс с трудом заставил себя оторвать руку от глобуса.

– Ты говорил мне, что у вас есть кино. Покажешь мне его?

– В данный момент там ничего не идет. Но если хочешь, я отведу тебя туда. Думаю, сейчас идет репетиция. Сегодня вечером будут показывать «Звездные войны».

Глава 5. Звездные войны для чайников

Сидя в последнем ряду кинотеатра, Джон Дэниэлс недоверчиво слушал фильм, который в последний раз видел в детстве. В мире, которого уже не существовало, вместе с друзьями, которых давно уже не было в живых. Друзьями, которые, должно быть, уже двадцать лет как стали радиоактивной пылью на ветру или частью бесплодной земли, занявшей место зеленых полей Массачусетса.

На сцене двое мальчуганов изображали Люка Скайуокера и Дарта Вейдера.

– Переходи на темную сторону силы, вместе мы будем править галактикой!

– Нет! Никогда! Лучше смерть!

– Послушай, Люк: я твой отец, а ты мой сын.

«Хотя с тем же успехом могло быть и наоборот», – улыбнулся Джон.

Несомненно, в оригинале реплики были менее патетическими, чем то, что произносилось на сцене так называемого кино. Но Дэниэлс все равно был очарован энтузиазмом актеров, той энергией, которую они вкладывали в исполнение драмы, написанной в эпоху, так же далекую от них, как Греция Аристофана и Эсхила.

Дарт Вейдер был юношей лет двадцати в шлеме из папье-маше, вид которого красноречиво свидетельствовал о том, что автор костюмов никогда в жизни не видел оригинального фильма. Судя по всему, не видел его и сценарист. Создавалось впечатление, что реплики были взяты из воспоминаний страдающего болезнью Альцгеймера, причем с частым внедрением элементов из других частей саги.

Несмотря на все это, Джон получил огромное удовольствие. Отсутствие профессионализма восполнялось энтузиазмом авторов, а переписанный текст в некоторых отношениях был даже лучше оригинального. Фрейдистский аспект был полностью опущен, зато представление было пронизано духом надежды: в финале Люк, Дарт Вейдер и Хан Соло вели бунтовщиков и эвоков (окей, двух бунтовщиков и одного эвока – хорошенького ребенка, очень увлеченного своей ролью) в атаку против Звезды Смерти. Одно только веселье в финале, когда хорошие и плохие вместе праздновали на балу победу Силы, полностью окупало стоимость билета, как сказал Джон Управляющему после спектакля.

– А текст точно повторяет оригинал? – в беспокойстве спросил юноша.

– Не совсем. Но, на мой вкус, он в некотором смысле даже лучше.

– Серьезно?

– Конечно.

– А ты не мог бы... помочь нам восстановить утраченные реплики? «Звездные войны» – классика нашего репертуара.

Джон покачал головой.

– У нас есть более важные дела.

– У нас? У тебя с кем?

– У меня с тобой.

Они сидели в кабинете Управляющего. Зрение Джона не позволяло ему видеть детали. В комнате находились письменный стол, офисное кресло на колесиках. И два ветхих шкафа из тех, что когда-то использовались для хранения документации.

– Здесь хранится история Города, – гордо сказал молодой человек. Джон изобразил приличествующую взволнованность.

Во всей этой кажущейся довоенной нормальности был лишь один элемент, смысл которого он не понимал. Это была висевшая на одной из стен барочная рама внушительных раз-

меров, казавшаяся совершенно пустой – за исключением крошечного квадратика в центре, который Джон видел как кусочек мозаики из цветного тумана.

– Ты чувствуешь себя достаточно окрепшим? – спросил Управляющий.

– Да.

– Мать говорит, что твое исцеление произошло ненормально быстро.

Джон улыбнулся.

– А что в нынешние времена *нормально*?

– Ты прав. Когда разразилось Чрезвычайное положение, мне было всего пять лет. Я мало что помню. Но я помню, что до этого было теплее и не было Созданий ночи.

– Вы все так их называете?

– Да, а что? А ты как их называешь?

Джон пожал плечами.

– Их везде называют по-разному. «Создания ночи» отлично подходит.

– Ты когда-нибудь сталкивался с ними?

– Да. А ты?

Юноша вздрогнул.

– Я нет. Но время от времени их встречают разведчики. Вот Вагант мог бы рассказать тебе пару историй, от которых мороз по коже. Это бесконечно странные создания.

– Да, это правда. Но ведь странность не обязательно должна пугать.

Управляющий улыбнулся.

– Ну от тебя-то это звучит как от заинтересованного лица, тебе не кажется?

Этот молодой человек, принявший на себя столь тяжелые обязанности, вызывал у Дэниэlsa все большее восхищение. Сочетание неуверенности и твердости в его ауре было симпатично священнику. Дон не был прирожденным начальником, но согласился стать им. Время бросило ему вызов, и он принял его.

– Ответь мне на один простой вопрос. Эти Создания ночи когда-нибудь причиняли вам вред?

Юноша снова почесал бороду.

– Нет. То есть, не в прямом смысле этого слова. Но их присутствие невыносимо. Они как будто проникают в твою голову. В их присутствии чувствуешь себя очень странно, – он раздосадованно взмахнул рукой. – Но что я тебе рассказываю. Ты-то уж точно знаешь все это лучше меня.

– Я бы хотел пообщаться с этим Вагантом. Кто он? Кто-то вроде начальника вашей армии?

– Вроде того. Но армии у нас нет. Город – *демилитаризованная и денуклеаризованная зона*.

Он трижды запнулся, произнося эти сложные слова, которые Джон считал давно забытыми и похороненными в прошлом.

– С ним можно поговорить?

– Сейчас он ушел на разведку. Он вернется завтра, но будет уставшим. Послезавтра можешь поговорить с ним. За это время ты как раз успеешь рассказать «Тома Сойера» младшему классу.

На этот раз его слова звучали не вопросительно. Джон кивнул.

– И может быть, ты найдешь время и на то, чтобы все-таки рассказать мне, что ты делаешь так далеко от своего дома. Я даже могу допустить, что ты говоришь правду.

– Я действительно говорю тебе правду.

– Тем любопытней будет услышать твой рассказ. Но сейчас скажи вот что: что это за важные вещи, о которых ты хотел поговорить со мной?

– Я довольно сильно устал. Мне не помешало бы поспать несколько часов.

Управляющий был вовсе не глуп.

– Что-то мне не кажется, что ты *действительно* нуждаешься во сне.

– Хорошо, скажем так: мне нужна пауза, чтобы подзарядить батарейки.

– Сколько часов тебе нужно?

– Скажем, три.

– Ладно. Я провожу тебя до больницы и зайду за тобой через три часа.

– Спасибо. Да, и последнее. Если мои расчеты верны, то завтра должно быть воскресенье.

Управляющий пожал плечами.

– Ты не мог бы найти мне помещение? И сказать своим людям, что завтра в девять я проведу мессу и что все, кто захочет, могут прийти?

Управляющий задумался.

– Я дам тебе комнату. И сообщу Городу о твоей мессе. Но не жди аншлага. В здешних краях Бог вышел из моды.

Джон улыбнулся.

– Бог никогда не выходит из моды. Бывают периоды, когда ему остается верен только узкий круг знатоков, но из моды Он не выходит никогда.

Он поднялся.

– Не беспокойся, не нужно провожать меня. Я сам найду дорогу.

Глава 6. Урок на открытом воздухе

В трех километрах к северу от Города, в опасной близости к Запретной зоне, Вагант и его отряд двигались против ветра.

Мокрый снег бил в глаза, врвался под капюшоны. Очки на масках постоянно запотевали, а накидки из тяжелого пластика делали движения неуклюжими. Тащить сани, доверху нагруженные богатой добычей этой невероятно удачной экспедиции, было чудовищно тяжело. Их изначальной целью был супермаркет, но он оказался пустым. Зато под сугробом, стоявшим на парковке возле магазина, обнаружились сани, которые они теперь и тащили в Город.

На санях было полно продовольствия.

Благодаря холоду драгоценные консервные банки с мясом и тунцом и еще более драгоценные бутылки оливкового масла все эти годы хранились, как в холодильнике.

Как только разведчики расчистили сани от снега, причина, по которой они стали обладателями этих сокровищ, открылась со всей очевидностью.

Рядом с санями лежали три трупа. По их неестественным позам, глубоким ранам от когтей и, прежде всего, по выражению ужаса на их заледеневших лицах, Вагант немедленно понял, что здесь произошло.

– Создания ночи, – прошептала Даниэла.

Она была не робкого десятка. Тем сильнее нотки ужаса в ее голосе поразили начальника разведчиков.

– Как думаешь, откуда они? – спросил он ее.

Девушка покачала головой.

– Трудно сказать. Похоже, они лежат здесь уже очень давно. На них нет никаких племенных знаков. Никаких цветов, указывающих на принадлежность к какому-нибудь городу. Они могли быть откуда угодно.

Все трое были вооружены. Два охотничьих ружья и один пистолет. По-видимому, они не сумели ими воспользоваться. Обыскав трупы, Вагант нашел пригоршню пуль для пистолета и четыре патрона для ружей.

В карманах людей были монеты. Странные монеты, сделанные из двух видов металла. Металл в центре был похож на золото, но явно таковым не являлся. Вагант положил их в карман. Они ничего не стоили, но он хотел сохранить их на память.

В тот день разведчиков было четверо. Двое новичков, для которых эта экспедиция была первой, справлялись даже лучше, чем ожидал Вагант. Сейчас они тащили сани невероятно бодро. Наверное, предвкушали момент, когда можно будет рассказать друзьям о найденном им сокровище.

Вагант улыбнулся, вспомнив свою первую экспедицию. Это было уже очень давно, но воспоминание оставалось ярким, как будто это случилось только вчера.

Его мысленный взор был устремлен в прошлое, когда вдруг произошло непредвиденное.

Создание ночи сидело на камне.

Оно было покрыто слоем снега, и Вагант не замечал его, пока оно не шевельнуло крыльями, стряхнув с себя снег и поднявшись во весь свой почти трехметровый рост. Ничто не предвещало его появления. Что самое странное, не было даже ощущения дискомфорта, которое всегда свидетельствовало о присутствии этих существ.

Ни он, ни Даниэла не успели достать оружие. А новичкам это даже не пришло в голову. Они вжались в сани, будто пряча свои спины от стоявшего перед ними монстра.

Создание повернуло к ним лишенное очертаний черное лицо и начало разглядывать их. Можно сказать, мирно. Без каких-либо явных враждебных намерений.

Вагант дал остальным знак не двигаться и сохранять спокойствие. Новички, вероятно, даже не заметили этого. Они как будто ушли в себя. Но Даниэла его поняла. Она медленно вынула руку из кармана и застыла совершенно неподвижно, как будто холод заморозил ее на месте.

Создание продолжало изучать их, а Вагант изучал его. Он впервые в жизни видел эту мерзость с такого близкого расстояния. Смотреть на них через прицел ружья было совсем другое дело.

Казалось, что тело этого создания сделано не из обычной плоти, а из какого-то другого материала, гладкого, как пластик. И что его утроба, где, по идее, должны были располагаться внутренности, тоже была совершенно гладкой.

Время от времени создание слегка шевелило крыльями. Может быть, просто рефлекс. Движения свидетельствовали о такой силе, что у Ваганта перехватывало дыхание.

Они стояли так очень долго. Молча, не двигаясь. Снег успел снова покрыть плечи создания. В бледном рассеянном свете предметы не отбрасывали теней. Создавалось впечатление, что смотришь не на живое существо, а на карандашный рисунок.

Потом рисунок начал двигаться. Создание вытянуло ногу и сделало элегантный, почти танцевальный шаг. Теперь его когти оказались совсем рядом с Вагантом. Молодой человек не сдвинулся ни на сантиметр. Тем не менее, внутренне он приготовился биться, сражаться с чудовищем, чтобы у остальных была хотя бы минута, драгоценная минута, которая дала бы им возможность бежать. Он не питал иллюзий. Создания передвигались стремительно. Но Вагант был главой экспедиции. Ответственность за всю группу лежала на нем. И его долгом было попытаться спасти их вне зависимости от того, насколько высоки шансы.

Быть может, он находился на краю гибели. Быть может, нет. Но сейчас его волновало не это: он жадно пользовался возможностью подробно изучить существо, словно вышедшее из ночного кошмара.

На правой руке создания было четыре пальца. Вагант не сомневался, что это именно рука, а не лапа. Но при этом на ней отсутствовал противопоставленный большой палец. Это означало, что существо не способно использовать оружие. А для чего еще мог он ему понадобиться? Достаточно когтей, черных и блестящих, как и все остальное тело, и острых, как лезвие. Ноги существа были погружены в глубокий снег. Ваганту стало интересно, есть ли у него когти и на ногах. Видимо, да, если судить по следам, которые эти создания оставляли на своих жертвах. Но у Ваганта не было ни малейшего желания проверять это на собственном опыте.

Стоять настолько близко к этому существу было чем-то невероятным, просто абсурдным. Вагант инстинктивно протянул к нему руку. Этот жест был спонтанным, как будто рука двигалась сама по себе.

Создание попятилось.

И тут Вагант сделал самое неправильное, что только можно было сделать в подобной ситуации.

Он шагнул вперед.

Даниэла в ужасе наблюдала, как ее друг приближается к монстру, из лап которого угрожающе торчат острые когти. Но внезапно создание взлетело. Оно распахнуло крылья, похожие на крылья демона со старинной фрески, и взмыло вверх с невероятной для такого внушительного тела скоростью.

Поднявшись, оно с безразличным видом повисло в воздухе перед ошеломленными людьми.

Один из новичков потянулся за пистолетом, но Вагант безмолвным движением остановил его.

Парить в воздухе для этого создания не составляло никакого труда. Ему было достаточно лишь время от времени взмахивать крыльями. Мощные движения кожистых перепон каждый раз поднимали вихрь ледяного ветра с колючим снегом.

Оно продолжало разглядывать их. Несмотря на то что на лице этого чудовищного создания не было видно глаз, Вагант чувствовал на себе его взгляд. На мгновение сознание существа раскрылось, и люди смогли увидеть себя через его восприятие.

Они были темными силуэтами, окруженными разноцветными ореолами. Взглянув на себя словно в волшебное зеркало, они поняли, что эти цвета отражали их душевное состояние. Они увидели страх и любопытство, а также полное отсутствие желания сопротивляться.

В то же время они увидели и чувство, которое испытывало это создание по отношению к ним.

Любопытство, смешанное с легким отвращением. В глазах этого существа монстрами были *они*.

Спустя мгновение видение рассеялось. Легким и мощным движением крыльев существо взмыло вверх и исчезло в пурге.

Четверо Горожан переглянулись, не веря, что это действительно произошло с ними.

Новички разразились смехом. Это был истерический смех, и Ваганту пришлось обрывать его, отвесив пощечину старшему из них.

– Прекратите. Пошли. Нам еще идти и идти.

Происшествие произвело на него гораздо более сильное впечатление, чем он хотел или даже мог признать. Встречи с Созданиями ночи, с Монстрами, как называл он их про себя, были чрезвычайно редки. Оба предыдущих раза, когда ему случалось столкнуться с этими нелепыми существами, он смотрел на них в прицел ружья. Но ни в первый, ни во второй раз он так не выстрелил. У него было правило: «Не нападай на эти существа, если нет необходимости». Устанавливать себе правила – это самое важное, если хочешь выжить в мире без правил.

Свое первое правило Вагант никогда никому не рассказывал. Он усвоил его в своей секретной библиотеке на последнем этаже башни, в подземелье которой жил (и считал, что *живет*) их Город. Однажды ночью он обнаружил там книги. Когда на землю спускались сумерки, последний этаж становился достаточно безопасным. Даже окутанное вечным саваном облаков, после Дней грома Солнце было смертельно опасно. Как объяснил ему Исаак, все дело было в озоновом слое. Точнее, в его отсутствии. Еще одно последствие войны. Если, конечно, этот мир и в самом деле грохнулся именно из-за войны. Насколько им было известно, речь вполне могла идти и о случайности. Или о вторжении инопланетян, что среди прочего объяснило бы и появление Монстров.

В личной библиотеке Ваганта, надежно спрятанной под диванной обивкой, было довольно много книг, которые когда-то считались хорошими: классика, одна энциклопедия и некоторое количество научно-популярной литературы, которой он делился с Исааком. Но в основном это были комиксы Marvel и DC Comics. Он зачитал их до дыр с тех пор, как ребенком впервые обнаружил их в убежище, которое про себя называл Крепостью одиночества. У

супергероев он кое-чему научился – самому важному для того, чтобы выжить в новом мире. Супергерои часто боролись с монстрами вроде тех, что бродили вокруг Города, и использовали при этом свои сверхспособности. А у него сверхспособностей не было. Зато были герои, которые восхищали и вдохновляли его. Это был его персональный пантеон, в котором Тор и Человек-паук занимали место пустышки-Иисуса. Мир, в котором жил Вагант, был расколот надвое. Из мрака опустошенной планеты он попадал в воображаемую вселенную героев, а потом возвращался назад. Постепенно Ваганту становилось все труднее сказать, какой из этих миров был для него более настоящим: тот неизменный и фантастический мир, в который он сбегал после каждой экспедиции, или так называемый реальный мир – мир кошмаров, в котором друзья в любой момент могли умереть, и если ты не хотел страдать, то лучшим решением было ни к кому не привязываться.

Он украдкой взглянул на Даниэлу. Ему нравилась эта девушка. Сильная, смелая и к тому же красивая. Она не просто нравилась ему, а нравилась очень сильно, и это было дополнительным поводом держаться от нее подальше. Из историй о супергероях он усвоил, что любовь опасна. Любить кого-то – значит некоторым образом зависеть от него. Бояться за него. Страдать, если потеряешь. В мире, не прощавшем сомнений и промедления, думать о другом человеке значило подвергать себя смертельной опасности.

– Эй, пошевеливайтесь там. Тащитесь, как улитки.

– Сани очень тяжелые...

– Город кормит и защищает вас, вы не имеете права жаловаться!

– Чем читать проповеди, лучше бы помог.

Это сказал Лоренцо. Он сбросил ремни, за которые они тянули сани, и встал с вызывающим видом, скрестив на груди руки. Вагант не ожидал этого. Он думал, что если неприятности и будут, то зачинщиком станет Франко.

Он подал Даниэле знак остановиться. Снял со спины рюкзак. Прислонил свое ружье к саням.

– Что ты сказал?

Лоренцо посмотрел на него неуверенным взглядом.

– Я спрашиваю тебя, что ты сказал?

Новичок поискал глазами глаза Франко, а потом Даниэлы.

Но его друг отвернулся, а девушка смотрела взглядом, который не сулил ничего хорошего.

– Я жду ответа.

– Я ничего не говорил.

Вагант отрицательно покачал головой.

– Это неправда. Кое-что ты сказал. Напомнить тебе? Ты сказал «Чем читать проповеди, лучше бы помог».

Мальчишка заморгал так быстро, что его веки забились, словно крылья готовящейся взлететь птицы. Он что-то пробормотал.

– Что ты там бубнишь?

Новичок покраснел.

– Я сказал, что прошу прощения.

– К сожалению, этого недостаточно.

Внезапно Вагант набросился на своего товарища по экспедиции, отвечивая ему сперва оплеухи, а потом удары кулаком, которые становились все сильнее и сильнее. Прямые удары, направленные в лицо, в ребра. После удара ногой между ног юноша упал на колени, крича от боли. Вагант заткнул его ударом колена в подбородок; парень рухнул спиной на землю и распластался, как мертвый.

Вагант презрительно посмотрел на него. Снова надел на спину рюкзак и взял в руки ружье.

– Если не встанет через две минуты, бросим здесь, – сказал он, обращаясь к Франко, – а сани ты потащишь один.

Это был момент истины. Франко был гораздо толще и гораздо глупее Лоренцо. Предсказать его реакцию было невозможно. Но от нее зависело, смогут ли они вернуться домой живыми и с грузом.

Франко посмотрел на Ваганта. Потом надолго опустил взгляд под ноги. Наконец кивнул и принялся растирать лицо товарища снегом, чтобы привести его в чувство.

Лицо Лоренцо распухло, но ран на нем не было. Сильнее всего болели яйца. Но Вагант специально рассчитал силу ударов так, чтобы сделать ему не *слишком* больно. Франко растерянно посмотрел на него. Потом опустил глаза и снова накиннул на себя упряжь саней.

Даниэла вздохнула с облегчением.

Когда новички потащили сани, она подошла к Ваганту.

– Ты же понимаешь, что в один прекрасный день кто-нибудь из них убьет тебя? – прошептала она ему на ухо.

Он пожал плечами.

– Рано или поздно умереть придется в любом случае.

Девушка растерянно посмотрела на него. У нее были глаза глубокого синего цвета. Синего, как небо, которого больше не было, как море, как голубые цветы, которые тоже давно исчезли. Она ничего не ответила. Ей стало бесконечно жалко этого сильного и одинокого юношу.

Постепенно к Лоренцо вернулись силы, и они пошли быстрее.

Крылатое создание следило за происходящим с вершины заснеженного холма, который когда-то был жилым домом. Под белым покровом оно не отличалось от статуи. Его лишенное очертаний лицо не выражало эмоций. Когда люди были уже далеко, оно резко взлетело взмахом своих мощных крыльев, исчезнув, как при пробуждении исчезает ночной кошмар.

Глава 7. Разламывая пальцами ничто

Крошечная комнатуха, которую Управляющий выделил для мессы, на поверку оказалась даже чересчур просторной. На мессу не пришел никто. Вряд ли здесь было так уж много развлечений, но идея посетить мессу все равно никому не показалась привлекательной.

В те моменты, когда Джон занимался подготовкой к мессе, ему еще удавалось думать о себе как об отце Дэниэлсе.

Он подождал десять минут, после чего решил начать.

Достал из рюкзака необходимое и разложил на выданном ему шатком столике. Естественно, гостей не было. Если бы они были, мессы пользовались бы невероятным успехом. Но теперь от хлеба остались одни воспоминания. «Как и от самой Католической церкви», – с горечью подумал Джон.

Священник расстелил на столе относительно чистую салфетку, поставил стакан и блюдо.

Теперь причастие стало исключительно символическим действием.

Когда-то от верующих требовалось поверить в то, что гостия и вино – это тело и кровь Христовы. Теперь от них требуется дополнительный акт веры: представить себе, что в моей руке находится гостия, а в стакан налито вино.

Он отслужил мессу с унынием, которого не испытывал даже в самые темные моменты.

Стыдясь этого чувства, он думал о священнослужителях прошлого. О тех, кто не давал погибнуть вере и обрядам в самые мрачные эпохи истории человечества. Джон молил Бога дать сил, чтобы он мог соответствовать уровню этих людей. При этом он сознавал, что сделан совсем из другого теста. Его вера была нетверда еще до Страдания. Он хорошо помнил один день за много лет до конца света, когда прочел о резне, которую устроил в Америке один сумасшедший. Тридцать два ребенка от шести до десяти лет были расстреляны из автомата.

«Где Ты был, когда этот монстр направлял на невинных свое ружье?» – крикнул он в душе своему Богу.

Но какая-то часть его самого уже знала ответ. И она была сильнее любых сомнений.

Этих детей убил человек, а не Бог.

Бог позаботился об их душах, но он не мог отнять у убийцы свободу выбора. Такое объяснение Джон дал бы любому спросившему. Хотя на самом деле предпочел бы, чтобы Бог опустил с небес руку и вырвал сердце из груди ублюдка прежде, чем тот успел произвести хоть один выстрел.

Тем не менее, Дэниэлс не позволил своим сомнениям нарушить святость мессы. Он исполнил ее предельно внимательно и аккуратно. Отсутствие зрения не было помехой: руки знали все наизусть. Воспроизведение привычных действий давало некоторое утешение.

Только когда он начал читать «Отче наш», молитву с 1700-летней историей, что-то внутри начало сдаваться.

«Да придет царствие Твое...»

Но мир больше не принадлежал Богу, и тем более не принадлежал он человеку.

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь...»

Но какой хлеб? Быть может, в мире никогда больше не будет хлеба. Теперь слова «ядите: сие есть Тело Мое» следует понимать буквально...

«И не введи нас во искушение...»

Искушение выжить: пусть даже ценой убийства, насилия, грабежа. Именно в таком порядке: от менее тяжелого преступления к более тяжелому. Потому что отнять жизнь в этом царстве мрака и смерти было меньшим грехом, чем обокрасть...

«Но избави нас от лукавого...»

Как же это возможно в мире, где лукавый подстерегает в каждом вздохе, в каждом луче света, в каждой встрече. Бежать уже некуда. Враг находится внутри нас.

Лукавый одержал победу.

Джон вздохнул.

«Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь».

– Аминь, – отозвался голос с порога комнаты. Вошел Управляющий.

– Закончилось? – спросил он. Джон отрицательно помотал головой. Извинившись, молодой человек сделал два шага назад. Стоя у входа, он дослушал последние слова мессы. Когда отец Дэниэлс произнес слова благословения отсутствующим верующим, Управляющий улыбнулся. Он не перекрестился. Когда священник закончил собирать обрядовую утварь в рюкзак, юноша снова вошел в комнату.

– Теперь можно поговорить с тобой?

– Да.

– У тебя было не особо много зрителей.

– Месса не спектакль.

– Хочешь сказать, что ты не разочарован?

– Я хочу сказать, что это не имеет значения. По крайней мере, для меня. Ты хотел спросить меня о чем-то?

– Я хотел напомнить тебе о чтении. «Том Сойер». Одна группа утром и две во второй половине дня.

– Хорошо.

– Хотя сегодня, конечно, выходной.

– Для меня *рабочий* день воскресенье в любом случае.

– Ах да. И, кстати, есть еще одно дело, о котором я должен поговорить с тобой. Мать милосердия говорит, что по ночам ты разговариваешь с какой-то женщиной.

– В этом нет ничего странного.

– Но видишь ли, дело в том, что эту женщину не видно.

– Для меня это не проблема. Ты, наверное, заметил, что я слепой.

Управляющий покачал головой.

– Тут немного другая история. Не пытайся запутать меня. Мать говорит, что эта женщина невидима. И тем не менее, ее голос прекрасно слышен. В общем, создается впечатление, что в твоей комнате есть женщина. Но как только кто-то заходит, ты оказываешься один.

– Красивая была бы история, если бы это было правдой.

– То есть, ты хочешь сказать, что это неправда?

– Я этого не говорил.

Отчаявшись, юноша тяжело вздохнул.

– Таким образом, ты отказываешься говорить мне правду, священник? Есть в твоей комнате женщина или нет?

– Нет.

– И чей же тогда голос слышала Мать?

– Вероятно, я разговаривал во сне, – ответил Дэниэлс.

Управляющий посмотрел на него испытующим взглядом. Священник заметил в его ауре замешательство и жгучую ярость. Но юноша изобразил учтивость.

– Хорошо. Не будем больше об этом говорить. Пойдем, я отведу тебя в комнату для чтений.

– Я могу сам добраться до библиотеки.

– Но мы идем в другое место.

Они прошли по другой зоне Города, после чего попали в лабиринт коридоров, построенных из металлических листов, прикрепленных к доходящим до самого потолка столбам. Отцу Дэниэлсу они напомнили ограждения перед входом на стадион или перед выходом на посадку в аэропорте.

– Такое ощущение, что этот лабиринт проектировал фанат «Пакмана», – заметил он. Управляющий обернулся.

– Ты знаешь «Пакмана»? – спросил он изумленно.

– Не лично.

– Хватить издеваться. Ты знаешь эту игру?

– Ну конечно. Хотя к тому времени, как мне исполнилось столько же лет, сколько тебе сейчас, ее уже практически забыли. Она оставалась только в виде приложения для смартфона.

– Что такое смартфон?

– Это был такой телефон с дополнительными функциями. На нем можно было смотреть кино, слушать музыку, играть в игры. Выходить в интернет.

Управляющий покраснел. Джон подумал, что от стыда. Но на самом деле он покраснел от гордости.

– Мое имя. То имя, которое мне дала Мама. Это имя героя видеоигры.

– Неужели?

– Да. «Донки Конг».

Дэниэлсу стоило большого труда сохранить серьезное выражение лица. Он торжественно кивнул, изо всех сил стараясь не думать об обезьянище из видеоигр Нинтендо, чтобы не расхохотаться.

– Так как же вам пришло в голову построить такое сооружение?

– Это была идея Исаака. Исаак – наш ученый. Ты сейчас познакомишься с ним.

Каждые десять шагов путь преграждали металлические калитки. Джон достаточно много бывал в средневековых замках, чтобы понять, что это защитное сооружение. Калитки, обитые до уровня горла металлическими пластинами, давали достаточную защиту, чтобы остановить любого нападающего. Если одна калитка все же ломалась, защитники могли отступить до следующего пункта обороны. Джон насчитал четырнадцать таких заграждений на единственном пути, который вел к цементному кубу, стоявшему в центре металлического лабиринта.

– Что вы здесь держите, в этой крепости? Сокровища?

– В некотором смысле, – ответил Управляющий с улыбкой.

Последнюю калитку охраняли два стражника, вооруженных автоматами. За ней находился вход в наминавшее бункер пространство. За первой металлической дверью скрывалась вторая: бронированная, толщиной по меньшей мере в семь сантиметров.

Они вошли.

На них обернулись двадцать пар глаз. Двадцать детей вскочили на ноги, приветствуя Управляющего. Трое ребят постарше, стоявших за ними, улыбнулись при виде Джона Дэниэлса. Не составляло труда понять, кто из присутствующих был Исааком. Чернокожий паренек лет пятнадцати с шапкой курчавых волос и в поломанных очках от близорукости, скрепленных при помощи металлической проволоки. По тому, как он щурил глаза, было понятно, что диоптрии ему не подходили.

У стены стояло два стула, а рядом с ними школьная доска, на которой кто-то написал мелом:

«ТОМ СОЕР».

Джон отыскал крошечный кусочек мела размером немногим более ногтя. Тыльной стороной ладони стер слово «СОЕР» и написал «СОЙЕР».

Затем он сел.

Своими глазами, подернутыми тревожной белой пеленой, он медленно обвел лица собравшихся перед ним детей.

– Садитесь, – сказал он.

Все присутствующие в комнате уселись на пол. В том числе и дети постарше.

– «Том Сойер» – довольно длинная книжка. Я не смогу рассказать вам ее целиком за сегодня.

Один из детей смущенно поднял руку. Прежде чем заговорить, он поискал поддержки остальных.

– Ты слепой. Ты не можешь читать. Откуда нам знать, что ты действительно рассказываешь вещи, которые написаны в книжке о Томе Сойере? Откуда нам знать, что то, что ты говоришь, на самом деле есть в книжке?

Аура Управляющего начала пульсировать. Но Джон опередил его.

– Это хороший вопрос. Более того, это просто *прекрасный* вопрос. Как тебя зовут?

– Дарий.

– Видишь ли, Дарий, дело в том, что мы должны доверять другим. Попросту *должны*. У нас нет другого выхода. Я не выжил бы, если бы не понял, насколько это важно – доверять тем, кто рядом с тобой. Раньше для тренировки доверия к другим играли в такую игру: несколько человек вставали у тебя за спиной, скрещивали руки, а ты должен был упасть назад, чтобы они поддержали тебя. Сейчас так устроена вся наша жизнь. Мы рискуем ею каждый день, несколько раз в день, и если мы не будем доверять другим – тем, кто входит в нашу группу, мы просто не сможем выжить. Ты ведь совершенно прав. Ты меня не знаешь, ты не знаешь, можешь ли ты доверять мне. Ты совершенно прав в том, что сомневаешься во мне. И я прошу тебя лишь выслушать меня. Ты сам поймешь, является ли то, что ты услышишь, бредом слепого незнакомца или настоящими, как я утверждаю, подлинными словами гения по имени Марк Твен. Спасибо тебе за твой вопрос, Дарий.

Мальчик застенчиво улыбнулся.

Управляющий знаком дал понять, что тот может сесть обратно на старое голубое ковровое покрытие, закрывавшее только часть пола, как изношенный коврик.

Джон Дэниэлс откашлялся. Аура, окружавшая слушателей, излучала внимание, любопытство, радость. Стараясь произносить текст как можно более профессионально, он начал рассказывать историю, написанную американским писателем более полутора сотен лет назад. Деревья, дома, солнечный свет оживали в его словах, и он чувствовал, как аура его слушателей следует за рассказом, как дирижер даже с закрытыми глазами слышит созвучие инструментов. И младшие, и старшие смеялись. И мечтали, и слушали, очарованные историей, происходящей в мире, которого они никогда не знали. В ярком и открытом мире до Страдания.

«Как если бы человечеству удалось колонизировать другие планеты и дети колонизаторов слушали бы истории о планете, отдаленной от них на несколько световых лет», – подумал Джон.

Когда он закончил рассказывать, в конце третьей главы, комнату переполняла такая тишина, что даже звук летящей мухи показался бы в ней оглушающим. Потом среди этой тишины раздался плач одного из детей. Другие двое, мальчик и девочка приблизительно десяти лет, встали на онемевшие от долгого сидения ноги и обняли плакавшего ребенка, пытаясь успокоить его. Девочка укачивала ребенка, как мама. Она шептала что-то ему на ухо, быть может, напевала песенку. Вскоре плач прекратился.

Остальные дети смотрели на Джона Дэниэлса со смесью восхищения и страха. Он не мог видеть их, но чувствовал ауру.

В колледже, в Америке, у Джона был сосед по общежитию, который однажды во время вечеринки употребил какой-то наркотик. На следующее утро у него был чудовищный отходняк. В эмоциональном плане он как будто рухнул в пропасть с горы. Описать по-другому это было нельзя. Сейчас у Джона было тяжело на душе от того ощущения пустоты, которое из-за него испытали сидящие перед ним дети.

– На этом история не кончается. Завтра я расскажу вам оставшиеся четыре главы. Вы услышите, как Том читает Нагорную проповедь. Вы будете смеяться, как сумасшедшие. Знаете, он выбрал именно ее, потому что в ней были самые короткие строки...

В первом ряду кто-то застенчиво поднял руку. Ребенок, одетый в лохмотья. Кто-то нащипал на его курточку из мешковины кусок старой майки с изображением Дональда Дака.

– Синьор Дэниэлс...

– Да?

– А что такое *«заборная пропанеть»*?

Джон снова едва сдержал смех.

– *Нагорная проповедь*. Проповедь – это речь. Христос произнес ее на горе, поэтому она называется Нагорной. Хотите послушать ее?

Дети обменялись неуверенными взглядами.

Затем некоторые из них закивали.

Отец Джон Дэниэлс наклонил голову. Из его уст зазвучали слова – древние, но по-прежнему обладающие силой свежести: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю...»

По ауре детей Джон следил за тем, как с каждой фразой менялось их настроение. Его точно громом поразила их реакция на следующие слова: «Вы – свет мира. Не может укрыться город, стоящий наверху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Когда он произносил эти слова, эти грязные и нечесанные головки, эти худенькие тела засияли золотым светом. Как будто каждый ребенок был окружен нимбом, как на иконах святых. Сердце Джона заколотилось с невероятной силой. Ему пришлось прервать речь.

Эмоциональная волна, пронизавшая его аудиторию, замедлилась и начала слабеть, пока почти совсем не исчезла.

Сердце священника успокоилось и вернулось к нормальному ритму.

Ребенок с первого ряда снова поднял руку. На этот раз без стеснения.

– Синьор Дэниэлс, а кто такой Христос?

Управляющий был в бешенстве.

– Что-то мне не кажется, что Христос был персонажем «Тома Сойера». Или что в книге было что-то из тех глупостей, которые ты сейчас рассказывал.

Управляющий шел быстро, почти бегом, не заботясь о том, поспевает ли за ним Джон. Он с силой и грохотом толкал железные калитки. Только внутреннее зрение священника спасло его от удара одного из этих металлических листов.

– Я всего лишь упомянул Нагорную проповедь. Они сами попросили рассказать о ней.

– Попросил тебя только один ребенок. А если бы они попросили тебя дать им свой пистолет, ты бы им его тоже дал?

– У меня нет пистолетов.

– Ты прекрасно знаешь, о чем я. То, что ты рассказал им, опасно.

– Не понимаю, почему.

Управляющий резко повернулся. Его лицо исказилось от ярости.

– *Ты не понимаешь, почему?* Я скажу тебе, почему. Потому что от религии одни несчастья. Войны, преследования. Я совершенно уверен в том, что и Чрезвычайное положение произошло по вине религии.

– Мы не можем этого знать.

Молодой человек ухмыльнулся.

– Считаю, что я в это *верую*.

Последнее слово он произнес с выражением глубочайшего презрения.

– Как бы то ни было, я не мог принести большого вреда. Ты утащил меня до того, как я успел ответить на вопрос, – возразил Джон.

– Конечно, я помешал тебе ответить. Твоему Христу здесь не рады.

Джон встал как вкопанный. Управляющий сделал еще пять быстрых шагов и только потом обернулся.

– Это не *мой* Христос, – сказал священник твердо, – И Он не нуждается в твоём позволении для того, чтобы войти в эти стены.

Юноша в ярости снова повернулся к нему спиной, крепко сжав кулаки. Его аура была черно-грозового цвета. Он стоял напротив Дэниэлса, который, в свою очередь, не сдвинулся ни на миллиметр. Они были похожи на две каменные статуи. И только пар, исходящий из их ртов, свидетельствовал о том, что это живые люди. В коридоре было не так тепло, как в помещении, где Дэниэлс рассказывал детям историю Тома Сойера. Там было как в теплице. Как в инкубаторе. Теперь Джон понял, почему Город с таким маниакальным упорством охранял это помещение. Это действительно была их сокровищница, а сокровищем было их новое поколение. В очередной раз за время этой остановки на своем пути отец Джон Дэниэлс испытал боль и ужасное чувство вины при виде красоты общины, которую он пришел разрушить.

– Не рассказывай больше ни о Христе, ни об остальных выдумках своей Церкви, священник, – прорычал Управляющий. – Не в стенах моего Города. Иначе...

– Иначе что?

Юноша не ответил.

«Иначе мне придется позаботиться о тебе. Как о Дереве и об остальных. О людях, чье поведение и крамольные идеи ставили под угрозу порядок и выживание Города».

Мимо Джона не прошла ни одна из этих мыслей – он читал ауру юноши, как музыкальную партитуру. Самоотверженность Управляющего была абсолютной, но не совершенно чистой: из-под налета решительности и духа самопожертвования просвечивало желание руководить и, главное, еще более сильное желание считаться спасителем своей общины. Сердце Дона было не алмазом, а кварцем, содержащим включения и золота, и железа, а также немало ржавчины.

– Иначе можешь проваливать отсюда.

– Я *не могу* уйти.

– Ты вполне показал способность заботиться о себе самостоятельно.

Джон Дэниэлс покачал головой.

– Дело не в этом.

– Ах, не в этом? А в чем же тогда?

– В том, что вы нужны мне.

Управляющий был поражен.

– Ты хочешь сказать, что оказался здесь не случайно? Что твои раны были уловкой? Ты поэтому так быстро выздоровел?

– Нет, это не так. Я действительно был ранен. Но к вам меня привел Господь.

Возмущение юноши алым пламенем взорвало его ауру.

– Ты обманул нас. Мы спасли тебя, а ты хотел воспользоваться нами для достижения собственных целей! Твоей Церкви мало места? Иди, захватывай другие Города, их здесь полно! Есть и побогаче, и побольше нашего. Что бы тебе ни было нужно, там ты получишь больше и легче, чем здесь.

Джон медленно покачал головой. Его вид изображал больше уверенности, чем у него было на самом деле.

– Если Бог привел меня именно сюда, значит, так надо.

– Нам не нужен твой Бог! Уходи отсюда немедленно!

– Ты, наверное, не понял. Это *вы* нужны Богу.

Рука Управляющего ударила Дэниэлса прямо в лицо.

Священник заранее почувствовал ее приближение и мог бы увернуться, но не сделал этого. Он отшатнулся назад, но не упал. Юноша схватил его за воротник куртки.

Неожиданно на плечо Управляющего опустилась рука. Рука высокого и сильного молодого человека с очень уставшим лицом.

Вагант ничего не сказал. Он ограничился тем, что покачал головой. Управляющий толкнул священника, и тот упал на пол. Вагант помог ему подняться, протянув руку.

– Спасибо, – прошептал Джон.

– Не благодари меня. Я слышал все, что ты говорил. Дон прав. Нам не нужен ни ты, ни твой Бог. И мы знаем, что делать с теми, что пытается надуть нас.

Управляющий нервно кивнул. Вагант был единственным, кто продолжал называть его Доном. Единственным, кому Управляющий позволял это делать.

– Так что будет лучше для всех, если ты объяснишь, чего от нас хочешь, – заключил начальник разведчиков.

– Да, будет лучше, – повторил за Вагантом Управляющий и сразу же пожалел об этом: поддакивание, да еще и произнесенное нахальным тоном, не соответствовало его статусу. Это он должен был потребовать объяснений, это он должен был диктовать священнику правила, которым тот обязан следовать в Городе. В основе его власти лежало равновесие сил, противовесом в котором всегда служил Вагант.

Джон Дэниэлс перевел свой слепой взгляд на разведчика. У молодого человека были тонкие, почти элегантные черты. Как он ни старался, попытки отрастить бороду не придали его лицу суровости. Светлые волосы и орлиный нос свидетельствовали об иностранном происхождении – вероятно, восточном, что также подсказывал чуть раскосый разрез глаз. Их цвет раньше называли бы фисташковым, однако после Страдания это сравнение потеряло смысл и забылось. Зеленый исчез с поверхности планеты, а под землей продолжал существовать только в таких глазах, как у Ваганта. В решительных, умных глазах, внимательно изучавших лицо Джона Дэниэлса, словно пытаясь обнаружить в нем скрытые мысли и истинные намерения.

– Я расскажу вам все. Но не здесь, – сказал священник. – Отведи меня в свое убежище.

Вагант был поражен. Откуда, каким чудом этому незнакомцу удалось узнать о его убежище?

Управляющий нахмурился, не понимая, о чем идет речь.

– Днем туда нельзя подниматься, – сухо ответил Вагант.

– Тогда отведи меня туда этой ночью.

– Что это за история с убежищем? – спросил Управляющий.

– Ничего.

– Он только что сказал о каком-то убежище.

Вагант спокойно посмотрел ему в глаза.

Управляющий умолк. На устах разведчика была улыбка. Но нередко Вагант улыбался и перед тем, как убить. Однажды Управляющий видел, как тот вынимал лезвие из груди человека, не прекращая при этом улыбаться.

Управляющий не стал настаивать. Он ограничился тем, что сказал:

– Если вы куда-то пойдете, я тоже хочу там присутствовать.

Некоторое время Вагант колебался, оценивая положение. Затем он обратился к священнику:

– Зачем тебе подниматься туда? Ты можешь поговорить со мной здесь, прямо сейчас.

– Нет. Мне нужно показать тебе кое-что. Что касается меня, то я предпочел бы, чтобы Управляющий тоже пошел с нами. Если ты не имеешь ничего против, конечно.

Вагант пожал плечами.

– Я не против. Значит, поговорим этой ночью. Но учти, я хочу, чтобы ты отвечал честно и прямо. Иначе путь вниз ты сделаешь в полете.

Глава 8. Лестница в небо

Подъем по лестнице в темноте не представлял для Джона Дэниэлса никаких трудностей.

Его вело не зрение. Это было то странное чувство, новое, гибридное, которое дал ему Монах в обмен на его глаза. Многие посчитали бы этот обмен выгодным.

Они шли, крепко цепляясь за перила служебной лестницы. Она была узкой. Двадцатиэтажное здание спроектировали в соответствии с самыми передовыми требованиями: электричество для пассажирских и грузовых лифтов давали те же фотогальванические панели, которые до сих пор продолжали обеспечивать здание отоплением и освещением. Но электроника и система домашней автоматизации не были рассчитаны на работу без технического обслуживания. По крайней мере, не на протяжении двадцати лет.

Первым вышла из строя система управления лифтами. Остальное сделали снег и грязь, собиравшиеся на солнечных батареях, и главным образом, недостаток света.

Все это Джон узнал от Управляющего, пока они в темноте пролет за пролетом поднимались по служебной лестнице.

У Города не было приборов ночного видения. Они использовали свечи, защищенные колпаками из прозрачного пластика. Получались своеобразные фонари. С одной стороны, это было изобретательно, а с другой – производило гнетущее впечатление. Казалось, все в этом Городе выдумано ребенком. Ошибочным был сам метод решения проблем. Какой смысл имело защищать детей металлическим лабиринтом, если в их убежище не было ни продовольствия, ни альтернативного выхода? Если бы враг проник в Город, все укрывшиеся в переоборудованном бункере погибли бы от голода и жажды. И, опять же, вода. Собирать воду, конденсировавшуюся на стенах, было великолепной идеей. Но вода не проходила подобающей фильтрации. И даже не кипятилась.

И все же в словах поднимавшегося по лестнице юноши была слышна большая гордость. Управляющий без умолку расписывал богатства Города. Вагант, напротив, за все это время не проронил ни слова. Он шел впереди, двигаясь уверенно и ловко.

Лестницы были расчищены.

На дверях этажей было подписано, что за ними находится: съестные припасы, матрасы, строительные материалы. Новое зрение Джона не позволяло различить очертания цифр, сообщавших о количестве припасов, но по ауре читавшего их Управляющего он понял, что положение Города было критическим.

Джон недоумевал, слушая, с каким оптимизмом и легкомыслием юноша расписывал благополучие Города. «Он врет только мне или самому себе тоже?» – спрашивал он себя, слушая бесконечные перечисления, которые молодой человек заводил на каждом этаже.

«... и там был один из самых крупных магазинов игрушек в городе. Рядом со спортивным магазином. Почти все наше оружие оттуда».

Теперь ясно, откуда у них спортивные луки. В руках хорошо натренированного стрелка это по-настоящему мощное оружие. И совершенно бесполезное, если оно находится в руках людей с уровнем подготовки, которым обладают так называемые военные, которых Джон успел увидеть за время пребывания в Городе.

Совсем другое дело разведчики. Вот это настоящие воины. Их подготовкой Вагант занимался лично. С тайным восхищением Джон посмотрел на шедшего впереди него юношу, с удивительной уверенностью поднимавшегося по совершенно темной лестнице. И тем не менее – Джон читал его сознание, как открытую книгу, – душу Ваганта раздирали противоречивые чувства. Что-то, связанное с Созданиями ночи. Что-то, заставившее его усомниться в собственной миссии. Все это Джон чувствовал с предельной ясностью. Хорошо бы пого-

ворить об этом, когда представится удобный случай. Вагант был краеугольным камнем конструкции, которую проектировал Джон.

Легкость дыхания молодых людей вызывала у Джона зависть. Тело священника было старым, изношенным, несмотря на то, что теперь его оберегала неизвестная сила. Оно не стало бы таковым в мире до Страдания, когда пятидесятилетние считались людьми среднего возраста. Но в новом мире, созданном катастрофой, лишь немногие доживали до его лет, и уж совсем мало кому из этих счастливицов удавалось сохранить здоровье.

После получасового подъема по темным ступеням Вагант поставил светильник на пол и висевшим на шее ключом отпер массивную бронированную дверь.

Жестом хозяина он пригласил Джона и Управляющего войти.

Чердачное помещение было просто потрясающим. Даже после двадцати лет запустения богатство убранства было очевидно, как очевиден был и тот факт, что никто не использовал его в качестве источника материалов. Оформление, по-видимому, осталось нетронутым. Создавалось впечатление, что нужно всего лишь включить свет – и перенесешься назад, в то время, когда катастрофа еще не погрузила человечество в пучину хаоса.

Одна из стен гигантского чердака была полностью застеклена. Джон подошел к окну.

Снег за окном не падал. Короткая передышка, которая неминуемо должна была кончиться с минуты на минуту.

Для намерений Джона это был самый подходящий момент. В слабом рассеянном свете заходящего за пеленой облаков солнца можно было различить детали открывающегося вида: другие две башни по сторонам от Города, темную массу крыш, над которыми высились три небоскреба. И хотя его изменившееся зрение смутно различало детали, общая картина складывалась довольно четко.

Он знаком подозвал к себе молодых людей и попросил их назвать известные им места.

– Город Других, – сказал Управляющий, показывая на левый небоскреб.

– Город Забытых Ошибок, – добавил Вагант, в свою очередь указывая на здание справа. – А вон в той стороне, в десяти часах пути отсюда, находятся Высокие палаццо. Они выше наших. И оттуда наша Мать милосердия. Но отсюда их не видно.

Улицы были покрыты густым туманом, доходившим до уровня третьего этажа небоскребов. Крыши домов под ними были едва различимы. Одному Богу было известно, что находилось ниже. Многие дома Милана теперь превратились в огромные укрытые снегом могильные холмы.

– Мне нужно знать, где находится центр города, – сказал Джон таким сухим и деловым тоном, что Управляющий вздрогнул. С ним как будто заговорил совершенно другой человек.

– Но центр Города здесь. Он ровно у нас под ногами.

Джон Дэниэлс помотал головой.

– Я говорю не о вашем Городе. Я говорю о том городе, который когда-то здесь был. О городе, вид на который открывается отсюда. О городе, в пригороде которого мы находимся.

Лицо Управляющего выражало искреннее удивление. Он непонимающе развел руками.

– Ладно, – ответил Вагант, кивнув, – я понял, о чем ты спрашиваешь. Эти высотки и окружающие дома когда-то относились к месту, которое называлось Миланом.

– А ты знаешь, где мы находимся относительно центра этого места?

– Я не понимаю, о чем ты спрашиваешь.

– Я ищу центр Милана. Такое здание из камня и железа, с двумя большими сводами. Когда-то оно называлось центральным вокзалом.

– Я не знаю такого. Может быть, ты имеешь в виду Железные врата?

– Опиши мне их.

Вагант смотрел в пустоту за окном. Непроглядная тьма, полное отсутствие движения. Джону пришло в голову, что все это могло бы происходить на каком-нибудь спутнике Юпи-

тера. Немногочисленные не полностью разрушенные дома в округе были холодны и мертвы, как скалы в безвоздушном пространстве.

– Высота Железных врат равняется росту трех воинов, стоящих один на другом. Они защищают вход в огромное здание, в котором живет очень могущественный город.

– А большие своды, о которых я говорил, там есть?

– Насколько мне известно, здание за Железными воротами имеет только прямые углы.

Я никогда ничего не слышал о сводах.

– Понимаешь, никто из нас никогда не бывал внутри него, – добавил Управляющий.

– Покажи мне, где они. В какой стороне, – попросил Джон Вагант.

Молодой человек уверенно указал на точку на горизонте.

– Здание, которое я ищу, можно узнать по старинным статуям на фасаде. А из-под двух длинных сводов выходят рельсы. Это такие параллельные металлические линии. Как дороги из железа, – добавил Джон, осознав, что слово «рельсы» ни о чем не говорит ни одному из его собеседников.

Оба юноши покачали головой.

– Статуи там есть, это правда. Но я ни разу не видел этих «рельс», о которых ты говоришь, – заключил Вагант.

Джон Дэниэлс снова повернулся к гигантскому окну.

Он не проронил ни слова, пока в небе не исчез последний луч солнца и тьма – абсолютная тьма – не залила горизонт.

Он долго стоял молча.

Потом, не поворачивая головы, он произнес всего три слова: «Оставь нас одних».

Больше он ничего не сказал. И все же Вагант понял, что этот незнакомец, этот странный слепой священник, не нуждавшийся в глазах для того, чтобы видеть, хотел поговорить наедине именно с ним.

И Управляющий точно так же прекрасно понял, что его выгоняют из комнаты. Он хотел было возразить, но Вагант опередил его, обратившись к священнику:

– Если я поговорю с тобой, ты расскажешь мне, зачем пришел в Город?

– Да.

– Ты ответишь на все вопросы, которые я задам тебе?

– Да.

Несколько мгновений Вагант обдумывал решение.

Затем он сказал второму юноше:

– Оставь нас одних.

Управляющий чувствовал себя странно. С любым другим, в любой другой ситуации, он стал бы возражать. Но сейчас он чувствовал, что рядом с Вагантом и незнакомцем для него не было места. Что оставить их одних было единственно правильным решением. Как будто в какой-то части его мозга бесконечно пульсировали слова: «оставь нас одних, оставь нас одних, оставь нас одних...»

Как мантра, завораживающая и неотвязная.

С открытым ртом, держась за стены, чтобы не споткнуться, Управляющий вышел из комнаты и захлопнул за собой тяжелую бронированную дверь.

Находясь на лестнице с незажженной свечой, чтобы сэкономить воск, он впервые в жизни обратил внимание на *шумы*. Где-то в распахнутом окне жалобно, словно привидение, завывал ветер. Звуки, которые издавало здание, напоминали хруст костей.

Дон поежился в своей стеганой куртке и закрыл глаза. Если вдруг кто-нибудь – или что-нибудь – вдруг захотел бы схватить его, он желал оставаться в блаженном неведении до самого последнего момента.

Глава 9. Орки Мордора

– Я погашу свечу, – прошептал Вагант.

– Пожалуйста, – ответил ему Джон, – для меня это не проблема. Можно мне сесть?

– Только не на этот диван. Садись на другой.

Послунявив большой и указательный пальцы правой руки, Вагант погасил пламя свечи и поэтому не увидел улыбку, появившуюся на устах священника.

– Так значит, в нем ты хранишь свою личную библиотеку? – спросил Джон, когда вокруг стало темно.

Вагант вздрогнул.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Они в этом диване. Но я все-таки не понимаю, зачем. Кроме тебя сюда ведь все равно никто не ходит. Ни друзья, ни девушки.

– Ты обо мне ничего не знаешь.

– Быть может. Вижу, ты, кроме комиксов, читаешь и книги по истории.

– Твои фокусы меня не пугают.

– Но я вовсе не хочу пугать тебя. Я хочу *поговорить* с тобой. Ты не против?

– Думаешь, я могу бояться разговора с тобой?

– Ты все говоришь об испуге, о страхе. С чего тебе меня бояться? Я всего лишь слепой раненый старик...

Вагант плюхнулся на диван напротив священника.

– Послушай меня внимательно. Я не знаю ни твои способности, ни откуда они взялись. Магия не производит на меня впечатления. Там, снаружи, я видел невероятные вещи. Невозможные вещи. Я видел создания куда более странные, чем ты. И я все еще здесь. И знаешь, что я тебе скажу? С тех пор, как ты появился среди нас, твоя жизнь висит на волоске, и этот волосок – то, как ты ведешь себя. Не стоит недооценивать Управляющего. Достаточно одного его слова, даже просто жеста, и твоя жизнь кончена.

– И покончишь с ней ты?

Вагант пожал плечами. Этот жест стал самым распространенным в мире после катастрофы.

– Я или любой другой. Какая тебе разница? Можешь быть уверен только в одном: назад дороги уже не будет. Ты никогда не видел Приношение.

– Зато ты видел. Расскажи мне, как это происходит. Мне любопытно.

Юноша усмехнулся. Кивнул головой.

– Тело разрезается на куски, в ванне или на полиэтиленовой пленке, так, чтобы не потерять ни одной капли крови. Потом эти куски режутся на куски помельче. Мясо идет на корм животным. Мышам, червям. Черви очень важны. Кости дробятся на удобрения. Мы храним только черепа. Но и их сначала обглаживают животные. Черепов у нас полная комната.

Вагант говорил механическим, безучастным, как будто бы не своим голосом. Создавалось впечатление, что он зачитывает какой-то скучный список. Когда он поднял голову, его голос изменился. Стал глубже, эмоциональней.

– Приношению нас научила Мама. Поначалу оно было не таким. Поначалу у нас не было ни животных, ни растений. Приношение...

Джон прочел в мыслях Ваганта то, что тот силился выразить словами.

Да, поначалу Приношение было *совсем* не таким.

Джон увидел это, как и многие другие вещи, в воспоминаниях молодого человека.

Он испытал смесь жалости и восхищения той хрупкой девушкой, которая взяла на себя тяжелую ответственность за жизнь заброшенного убежища, за вверенных ей малышей и

нескольких детей постарше, в последовавшие за катастрофой дни волею случая оказавшихся здесь, как потерпевшие кораблекрушение путешественники. Здание начальной школы, находившейся в соседнем квартале, рухнуло. Выжило всего несколько человек. Среди них были только дети.

Ни один из учителей не выжил. Неспособные отыскать дорогу домой, часто в вызванном шоком кататоническом состоянии, эти дети как зомби бродили по улицам и в конце концов неизбежно оказывались у дверей единственного уцелевшего здания. После падения бомб, разгромивших оба аэропорта города, восемьдесят процентов зданий Милана было разрушено взрывной волной. Чуть меньший процент его населения умер в тот же день и в последующие недели, когда с неба начал падать грязный снег, который нес в себе невидимую смерть. Возможно, их детский сад устоял благодаря тому, что был построен с соблюдением самых передовых технических норм. Или, что более вероятно, по чистой случайности.

В день, когда разразилось Странствие, Франческа Витали было двадцать лет. Она работала ассистентом преподавателя в детском саду. Занималась несколькими трудными детьми. Остальные четыре преподавательницы ушли из сада в первый день катастрофы, чтобы попробовать попасть домой, к своим семьям. Больше об их судьбе ничего не было известно.

Даже в нормальных условиях взять на себя заботу о тридцати детях было полным безрассудством.

Делать это среди царившего тогда хаоса было попросту нелепо.

Имевшиеся в детском саду запасы еды закончились в первый же день. И хотя они и не могли знать этого, то же самое произошло и во всем остальном городе. Съестные припасы были ограничены и часто погребены под обломками того, что только недавно было крупными супермаркетами. Устоявшие магазины опустошены мародерами.

На второй день из крана окончательно перестала течь вода. Двое детей умерли, харкая кровью. Это были дети, которые дольше всех пробродили по улицам под смертоносным дождем.

На третий день вместо долгожданной помощи пришли пятеро мужчин, вооруженных ножами и битами.

Из памяти Ваганта и Управляющего, свернувшегося в темноте калачиком прямо у выхода из комнаты, мозг отца Дэниэлса впитывал историю девушки, которая спасла Город.

Пятеро мужчин завладели детским садом. И Франческой.

Они насиловали ее по очереди. Овладевали ей немыслимыми способами. Она едва выжила. Но даже среди боли и унижений все ее мысли были только о ее детях. Особенно о самых слабых.

Никто из них не ожидал подобной жестокости. Взрослые всегда были для них источником заботы и помощи.

Те пятеро, что захватили детский сад, были сильными мужчинами. Они не ели три дня.

На четвертый день из столовой потянулся запах жареного мяса.

И на пятый.

И на шестой.

И каждый день повторялось надругание над телом девушки, связанной на полу, лежавшей в грязи и мерзости, которую оставляли эти мужчины, которые лизали и кусали ее своими вымазанными жиром губами.

На седьмой день, когда выжившие дети были уже на грани смерти от истощения, поскольку никто из них не стал есть кидавшиеся им на пол объедки и кости, один из *плохих дядь* вернулся в детский сад с ящиком виски в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.